

АУБАНИКИ В МНОГ

МАРГАРИТА ЗВЕРЕВА

Настройся на лучшее

Маргарита Зверева
Одуванчики в инее

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Зверева М.

Одуванчики в инее / М. Зверева — «Эксмо»,
2017 — (Настройся на лучшее)

ISBN 978-5-699-99742-8

Новая экстравагантная соседка Лейла Янгуразова, которую злые языки сразу же прозвали Лялькой Кукаразовой, вызвала интерес не только у скучающих домохозяек. Среди двух воюющих отрядов ребят вспыхнула нешуточная борьба за право первыми узнать тайну Ляльки. Причиной тому послужила ошеломляющая находка, попавшая в руки одного из вожаков по прозвищу Воробей. Хрупкий, но отважный мальчишка даже не представляет, какое открытие его ждет впереди!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-699-99742-8

© Зверева М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Маргарита Зверева

Одуванчики в инее

*Окликнет эхо давним прозвищем,
И ляжет снег покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир опять большим и праздничным,
Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану зябликом,
Когда я снова стану маленьким,
И снег опять запахнет яблоком,
Меня снесут с крылечка, сонного,
И я проснусь от скрипа санного,
Когда я снова стану маленьким,
И мир чудес открою заново.*

Александр Галич. Кадиш

© Зверева М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Меня зовут Воробей. Так меня называют все и давно. Так давно, что я периодически забываю свое настоящее имя, о котором мне напоминают только в школе. А туда я навещаю крайне редко. Я уже так от него отвык, что даже не сразу осознаю, что речь идет обо мне, когда учитель вызывает меня, и тогда я чувствую на себе полный негодования и плохо скрытой ненависти взгляд, готовый пригвоздить меня к измалеванной мной же стене рядом с партой. Оно звучит странно и чуждо, как будто речь идет о постороннем человеке.

Я толком и не знаю, когда именно я навеки стал Воробьем, но, помимо моей внешности, есть несколько моментов, несомненно сыгравших в этом деле роль. Сама не подозревая о судьбоносности своей ласки, мама когда-то решила, что я имею некоторое сходство с этим пернатым существом, и стала то и дело приговаривать «Ах, ты мой воробышек...», самозабвенно поглаживая меня по пуху на голове. Со временем это прозвище покинуло свое место в маминых приливах нежности и стало употребляться где попало. «Воробышек, дай соль!», «Воробышек, оставь в покое хвост Клеопатры!», «Почему мне на тебя снова жалуется мама Бориса из соседнего подъезда, Воробей ты сорванчатый?» Но в то время ребята во дворе еще не подозревали о моей домашней кличке, потому что из окна на обед меня звали почему-то по законному имени. Видно, мама стеснялась соседей. Нашла кого стесняться.

Но мое прозвище витало надо мной клеймом, которое должно было сбыться, как страшное пророчество. Так я в какой-то солнечный осенний день маялся от безделья с рогаткой на жестяной крыше будки с метлами и прочими принадлежностями дворника и беззастенчиво метил в кучку воробьев, деловито слетевшихся на куски хлеба, подкинутые бабушкой с единственной лавки во дворе. Бабушка отлучилась и не могла махать руками, бросаться угрозами и портить мне охоту.

Стрелял я, особо не стараясь. Мне просто нравилось, как птичье столпотворение одновременно поднималось ввысь, как осиный рой, и снова незамедлительно припадало к земле.

Я взял очередной камешек, натянул резинку несколько сильнее обычного и отпустил ее, прищурившись и издав звук выстрела. Воробьи взмыли вверх, но что-то было не так... Сдвинув брови, я уставился на темный комок, оставшийся на земле, и с ужасом понял, что я в кого-то попал. Мое сердце заколотилось, я отбросил рогатку и стремглав спустился вниз. Почуввав неладное, остальные птицы решили больше не возвращаться за жалкими крошками и улетели несколько поодаль.

Подбитый мной воробей лежал, оттопырив лапки, и я подумал, что убил несчастное животное. На ладонях выступил холодный пот, и закружилась голова. «Хоть бы не разреветься на виду у всего двора», – промелькнуло у меня в голове, хотя, помимо меня и птиц, на улице не было решительно никого. Я сел на корточки и прикусил губы.

Вблизи воробышек выглядел еще более маленьким и хрупким, чем обычно. Казалось, что он весит не больше перышка и что кости его сделаны из тонких прутиков соломы. Предательская слеза все же выкатилась из моего глаза и капнула в серую пыль. Сам не зная зачем, я вытянул дрожащий палец и легонько ткнул свою невинную жертву в грудь.

И тут произошло чудо. Как от прикосновения волшебника, воробей ожил. Он открыл маленькие черные глаза, разинул клюв и слегка повел крылом. От изумления я уставился на него, как на дракончика, вылупившегося вместо цыпленка из скорлупы на моих глазах.

– Ты что там делаешь, негодяй кошачий?! – Вывел меня из транса скрипучий, как ржавая пила, голос вернувшейся бабульки.

Мне хотелось поразмыслить, почему я был именно кошачьим негодяем, но времени не было. Я как можно бережнее схватил воробышка, уже предпринимавшего тщетные попытки встать, и пустился бежать в дом.

Еле открыв дверь в квартиру застревающим ключом, я ввалился в темный коридор, оттолкнул пинком противно замяукавшую Клеопатру, проскочил в свою комнату и забаррикадировался изнутри стулом. Дома не было никого, кроме Клеопатры, но эта зараза недавно научилась открывать закрытые двери, кидаясь на ручки.

Воробышек шатаясь сидел на столе и с такой паникой на меня тарасился, что я не на шутку испугался за его сердце.

– Спокойно, спокойно, дружище, все будет хорошо, – уверил я его и принялся потрошить свои шкафы.

Вернее, не совсем мои. В мою комнату сносился весь хлам, который лень было выбросить. Мои трусы лежали посреди кучи якобы французского мыла, которым было жалко пользоваться, а ботинки среди горы пустых обувных коробок, которые могли бы когда-нибудь пригодиться при переезде. Это при том, что не только я, но уже и папа родился в этой квартире, и о переезде речи еще никогда и ни разу не заходило. Тем более что тогда папа бы нас никогда больше не нашел.

В конце концов я продемонстрировал своему новому питомцу его жильё. Картонную коробку, набитую ватой и разноцветными ленточками. Он не выразил восторга, но сопротивляться тоже не мог, так что я усадил его в эту красоту и поставил на подоконник.

– Смотри никуда не уходи, – строго сказал я ему и пошел на кухню за водой и хлебом, по пути запихнув орущую Клеопатру в ванную комнату.

Есть воробей отказался, но немного попил и посмотрел на меня с такой благодарностью, что я заключил, что он не помнит, кто его привел в такое плачевное состояние, и рассматривает меня исключительно как благодетеля. Совесть снова дала о себе знать, но я сказал ей, что выхаживанием воробья считаю свой грех искупленным.

Носился я с ним несколько дней, так что о моем пациенте узнали все ребята во дворе. Конечно же, они надо мной смеялись, но мне было не до них. Я расспрашивал каждого попадавшегося взрослого про анатомию мелких птиц. Знания были скудными, и действовать приходилось по интуиции. В принципе я старался его даже особо не трогать, потому что каждый, кто хоть раз держал в руках воробья, знает, что это маленькое тельце сломать можно легче перегоревшей лампочки. Я давал ему еду, питье и всячески оберегал его от излишних передвижений и Клеопатры.

Воробышек более-менее очухался уже на второй день и начал летать по крошечной комнате, возносясь к высокому потолку. Я зашторил окна, чтобы ему не вздумалось в них биться, и наблюдал за ним с постели. Отпускать своего питомца так быстро было жалко.

Так мы с ним прожили в единодушии еще пару суток, прежде чем я с обреченным вздохом поднес его к открытой форточке.

– Возвращайся, Джек, – проговорил я скорбно. Так как слово «воробей» у меня сразу отождествлялось с немалоизвестным персонажем, плавающим по далеким манящим морям, прозвал я его именно так. – Я буду по тебе скучать.

Джек кинул на меня последний, как мне показалось, жалостливый взгляд из-за плеча и, расправив крылья, понесся по небесам.

Я с тоской провожал его, застыв в форточке, когда до меня донеслось:

– Воробей, иди гулять!

Сначала я подумал, что ребята зовут моего пернатого друга, но потом по хихиканию понял, что имеюсь в виду я.

Так я и стал навеки Воробьем.

Глава 1

Увертюра, или Истинное лицо Ляльки Кукаразовой

В тот день, когда Василек обнаружил старинный альбом на чердаке, превративший нашу игру в войнушку в жестокую реальность, я был в школе. На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего особенного, но в моем случае это было не так. В школу я ходил редко, и было у меня на то веское основание.

У меня была хроническая астма, которая началась в первом классе в первый же день сентября и которую я любя называл хронической аллергией на учебные заведения. Это было сущим волшебством! Подарком, свалившимся с самих небес! Стоило мне появиться на пороге школы, и я мог быть уверен, что в течение нескольких часов у меня начнется приступ. Вне школы же я чувствовал себя практически всегда превосходно, что, конечно, дало врачам повод к многочисленным проверкам с нахмуренными бровями, но астма есть астма.

Я знал, что все дети в моем городе – за исключением самых ярых ботаников и девочек, страдающих дефицитом внимания и пытающихся заполучить его посредством стройных рядов пятерок в дневнике – завидуют мне черной завистью. Но я считал, что этот дар не зря выпал именно мне.

Дело в том, что я всегда был умным ребенком. Это так, совершенно без высокомерия. Для того чтобы понять, что я был умным ребенком, надо было всего один раз взглянуть на мою крошечную комнату. Несмотря на то что в нее сваливали все ненужные вещи, которые жалко было выбросить, каждый свободный сантиметр на стенах был забит книжными полками. Романы, повести, сборники сказок, учебники, антологии, словари, атласы и энциклопедии лежали на подоконнике, на стоявшем перед ним письменном столе, под кроватью и в углах на полу, хотя мама меня за это ругала.

– В твоей берлоге просто невозможно пропылесосить, не то что пыль протереть! – сетовала она, когда просовывала голову сквозь приоткрытую дверь.

Она никогда не входила ко мне целиком. Это было каким-то неписанным правилом. Ненужные вещи просто заталкивались ко мне, и я должен был сам находить им место. Конечно, мама и не подозревала, что большинство ее подкидышей прямиком отправлялось на чердак.

Важнее было оставить место для книг и громадного светящегося глобуса, который царственно стоял на стопке атласов на подоконнике. Этот глобус я как-то давно нашел среди одеял в шкафу в маминей спальне и решил, что эта вещица должна была быть необыкновенной и уж точно не ненужной, раз ее не вышвырнули в мою комнату. Я сразу сообразил, что его мне наверняка оставил в подарок папа, когда вынужден был покинуть нас с мамой, чтобы бороться на дне Атлантического океана с темными силами, угрожающими всему человечеству. Мама, само собой, никогда не признавалась, что дела обстояли именно так. Она вообще никогда не говорила о папе, и у нее не было ни одной фотографии, если не считать меня. Судя по негодующим заверениям соседей, я был точной копией этой сволочи. Когда я пытался завести разговор о папе, мамины губы превращались в тонюсенькую черточку и она сразу начинала заниматься уборкой, даже если убирать было нечего.

Я, разумеется, сердился на нее, потому что папу я почти не помнил, и все, что я о нем знал, я либо придумал, либо вычитал в книгах, которые он оставил. Он имел привычку подчеркивать кажущиеся значимыми пассажи, писать на краях комментарии, ставить восклицательные знаки и возмущенные загогулины. Из этих косвенных посланий, предназначавшихся, увы, не мне, я, словно сыщик, составлял себе картину папы.

Кроме книг он оставил много всего, почти все. От невообразимо громкого будильника, от звона которого легко можно было начать заикаться, до фотографии грустного уличного пса,

которую он когда-то сделал сам. Под прослойкой застывшей грязи пес был, вероятно, белым и сосредоточенно высматривал что-то в луже, в то время как мимо него мелькали ноги безразличных прохожих. Я ставил себе будильник каждый день, хотя не должен был вставать рано, и пугался каждый раз до полусмерти, а фотография в рамке висела прямо у изголовья моей кровати, хотя мне хотелось плакать, когда я смотрел на нее.

Несмотря на то что комната моя была вопиюще маленькой, она казалась мне очень большой, так как в ней было столько книг. Я уже успел побывать во всех интересующих меня странах мира, я умел колдовать, руководил целыми войсками и сражался со всемирным злом. Поэтому я не понимал, почему мама так отчаянно рвалась на Таити. По вечерам она смотрела телевизор с полузакрытыми от усталости глазами, и только когда показывали знаменитые курорты, просыпалась и оживлялась. Путешествие на Таити было ее заветной мечтой, и на мои вопросы о том, зачем ей туда лететь за тридцать земель и баснословные деньги, если она и так уже все видела по телевизору, в недоумении моргала.

Я-то не то чтобы не мечтал о далеких странах, я и выходить-то со своего двора люто ненавидел. Как только я ступал через арку, отделяющую наш двор от внешнего мира, мне становилось не по себе до головокружения. Вокруг творилось столько всего, на что надо было адекватно реагировать, что на меня сразу наваливало жуткое переутомление. Гул голосов, топот каблучков по асфальту и гудки машин захлестывали меня суетливой волной, и мне хотелось бежать обратно в свой надежный тыл на подкашивающихся ногах. Мой двор был моей крепостью, а я был ее королем. Хотя некоторые очень бы с этим поспорили. Например, Борька Захаркин, предводитель вражеского подъезда.

Борька был редкой заразой, но в силу возраста имел авторитет у своей стайки. Ему было двенадцать лет и пять месяцев, что означало, что он на целых три месяца старше меня. Я долго пытался скрыть этот факт, но в один прекрасный день по дороге из школы был отловлен Борькиной стайкой, за чем последовали захват и распотрошение моего портфеля. Так все узнали, что вожак второго подъезда старше вожака первого подъезда. Сперва я страдал от этого унижения, пока до меня не дошло, *что* это означало. А означало это то, что Борька на целых три месяца быстрее станет взрослым. На целых три месяца раньше начнет вести скучные беседы за столом и мечтать о Таити и накрученных иномарках. На целых три месяца раньше примется работать в каком-нибудь банке и станет считать, что детские игры – это просто игры.

Сейчас же Борька был хорош собой, что ни говори. Его рыжая копна волос светилась наперегонки с веснушками на курносом носу, а в заднем кармане всегда торчала рогатка. Он лихо прыгал по крышам и метко швырялся камушками, и никто не умел так подшучивать над вредными бабулками во дворе, как он. Эдакий Том Сойер. Иногда в надежном укрытии своего одеяла в кровати мне хотелось быть немного похожим на него. И это несмотря на то что Борьке не доверяли даже его состайники, поскольку заразность могла проявиться в любой момент.

Я любил Тома Сойера, но отдавал себе отчет в том, что при всем желании не походил на него ни капли. Я любил приключения, но на то, чтобы быть сорванцом, у меня не хватало отваги. Со взрослыми я был учтив и вежлив и в придачу иногда начинал задыхаться. Ну что за Том Сойер с астмой?

Когда мальчишки второго подъезда увидели мой дневник, они впали в полное недоумение. Я, который появлялся в школе с натягом на парочку уроков в неделю, был почти что отличником. Стоит ли говорить, что я стал посмешищем. Я терпел, но когда возникла реальная угроза замены моего имени на Ботаник, пришлось устроить с Борькой драку в пыли посреди двора.

Всем было понятно, что схватка будет короткой, так как некоторые окна уже начали открываться, и послышались возмущенные голоса и угрозы. Так что мы быстро принялись за дело и лупили друг друга от души в кругу остальных ребят. Нас разнял метлой дворник, заехав каждому по затылку, но я успел поставить Борьке фингал и крикнул ему вслед заранее заго-

товленную реплику. Что-то вроде: «Видал, ну и кто тут теперь Ботаник?» Неоригинально. Но законное имя свое я отвоевал.

Кроме Тома Сойера я любил Питера Пена, хотя эта любовь была омрачена гложущей завистью. Еще пару лет тому назад я предавался мечтам о Нетландии с полным упоением в любое время суток и высматривал самые яркие звезды на ночном небе через подзорную трубу, которую нашел рядом с глобусом. Еще одна вещица, оставшаяся мне в наследство от папы. Я был уверен, что в один прекрасный день научусь летать и перемещусь на постоянное место жительства именно туда.

Но я предательски рос. И мне все никак не удавалось найти волшебную пыльцу. Как-то раз я надел брюки, которые мнегодились еще прошлым летом, и увидел, что штанины доходят всего до середины щиколоток. Я рос. Я непрерывно, необратимо рос. И это была горькая правда. Питер Пэн мог решить, что он никогда не будет взрослым, показать всем язык и улететь в Нетландию. Я же мог решить, что никогда не буду взрослым, но тогда мое отражение в зеркале показывало мне язык, и я никуда не улетал. Оставалось горько поплакать в подушку, а потом запереть печальные мысли о гнусном и скучном взрослом будущем в сундучке под кроватью и умчаться от них куда подальше.

Так вот в тот судьбоносный день я был в школе. Правда, не на всех уроках, само собой разумеется. Спустя три нескончаемых часа русского языка, литературы и химии я начал задыхаться прямо у доски, на которой писал математическое уравнение. Математику я не любил, но понимал, если разбирался с ней сам в тишине своей комнаты. Тогда я раскладывал учебники, тетради и счетную машинку и представлял себе, что папа объясняет мне, что к чему. Папа был ученым, и я был уверен, что он легко смог бы мне объяснить все невообразимые формулы и задачи, если у него была бы на то возможность.

Я вел с ним беседы, не обращая внимания на озабоченные мамины шаги, замершие у моей закрытой двери, и таким образом раскладывал все по полочкам в своей голове. В школе же я ненавидел решать задачи, потому что обсуждать их с папой прямо у доски не представлялось возможным. Я начинал нервничать, что сразу провоцировало астматический приступ. Тогда я, тяжело дыша, плелся обратно к парте, доставал баллончик и вдыхал спасительное лекарство. После этого мне резко становилось лучше, но соорудить страдающий вид было уже несложно, так что меня быстренько отправляли домой.

Дорога домой была недлинной, но выматывала мои нервы изрядно. Надо было пройти один пролет, перейти через дорогу, на которой раз в два дня кого-нибудь обязательно сбивало машиной, пройти еще один пролет, перейти через мост, пробежать последние пятьдесят метров и завернуть в нашу арку, не засмотревшись на вход в киоск господина Дидэлиуса, увешанный несколькими индейскими ловцами снов, хотя в киоске обычно никто не спал.

Чтобы отвлечься и скоротать свой тернистый путь, я концентрировался на мосте и на дороге. Когда на реке не было льда, под мостом всегда можно было увидеть несколько уток, которым я бросал хлеб каждый раз, когда там проходил. Птицы бросались на него, не соблюдая никаких правил приличия и крикая довольно противными голосами. Это мне нравилось. Я останавливался на некоторое время и наслаждался столь редким соприкосновением с природой. Так-то я даже деревьев толком не видел. Только вдалеке, с крыши.

А через дорогу я пытался перебежать ровно в тот момент, когда машина на полном ходу вылетала из-за поворота. Цель состояла в том, чтобы избежать смерти и как следует напугать водителей-нахалов. Нахалов, потому что гонщиков. Больше всего на свете я ненавидел видеть сбитых зверей у обочины. Людей, конечно, тоже, но они обычно все-таки не валялись у обочин.

В несколько подавленном настроении от того, что не смог решить задачу у доски и опозорился, я завернул в наш пока что тихий двор. Почти все остальные дети были еще в школе или в садике, а взрослые либо работали, либо смотрели бразильские сериалы с бигуди на головах

и шоколадками в руках. В теньке лежал Мистер Икс, наша всеобщая дворовая собака с видом волка и нравом овечки. Я проверил наличие воды в миске и колбасных запасов под боком, довольно кивнул и направился к своему подъезду.

Вдруг с лестничной площадки раздался быстрый топот. Я остановился. Так мог бежать только вор или человек с необычайно важной новостью. В любом случае стоило подождать. Мелкие шаги работали, как метроном, перепрыгивали ступеньки и со скрипом тормозили на поворотах. Я затаил дыхание.

И тут чугунная дверь распахнулась, возмущенно скрипя, и на порог вылетел Василек, размахивая какой-то бордовой книжкой. Дуршлаг, который он носил как кепку всегда и везде, покосился на его голове. Василек был уверен, что такой шлем надежно защищает от нападок привидений, обитающих на чердаке, и запрещалось ему носить его только в садике. Покидая двор, Василек отдавал свою драгоценность Мистеру Иксу на сохранение и надевал ее, как только возвращался с поля боя. Я полагал, что по этой причине Василек, как и я, не особо любил покидать пределы двора. Все-таки привидения могли быть везде.

Протертые штаны его были подвернуты, а майка висела как мешок. Васильку все доставалось по наследству от старшего брата, но для меня было загадкой, почему вещи никогда не становились малы или хотя бы в самый раз. Так он всегда выглядел молокососом, хотя в следующем году ему уже предстояло пойти в первый класс.

– Воробей! – заорал Василек на весь квартал и понесся ко мне со всех ног. – Ты просто не поверишь! Не поверишь, что я нашел!

Он не смог вовремя остановиться и слегка врезался в меня. Поправив сбившийся дуршлаг, он сунул мне в объятия свою находку.

– Она – колдунья! – задыхаясь, прошипел Василек с выпученными глазами.

– Кто? – оторопел я.

В нашем дворе было немало своеобразных и странноватых персонажей, но в колдовстве пока еще никогда никто не подозревался.

– Лялька Кукаразова! – в полном ужасе прошептал Василек и указал на окно с фиолетовыми занавесками на третьем этаже нашего подъезда.

Я облегченно хихикнул. Ляльку Кукаразову с виду можно было легко принять за женщину, связанную с силами, ставящимися под сомнение приличными людьми. Так что было даже неудивительно, что Васильку пришла в голову такая идея.

Вообще-то Ляльку Кукаразову звали импозантным именем Лейла Янгуразова, но оно было сразу же злобно исковеркано дворовыми мамочками, не желающими тихо терпеть такую красоту. А так как прозвища имеют свойство приживаться лучше любых паразитов, заочно ее только так и называли.

Лялька Кукаразова была видной личностью нашего двора и, полагаю, всего города. Сложно было определить ее возраст, но мне казалось, что, хотя детей у нее не было, они вполне могли бы еще быть. Черные кудри падали обильными волнами на широкие плечи, пухлые руки и внушительную грудь, а круглое и бледное, как луна, лицо выражало сосредоточенное негодование. Ярко-красные губы всегда были плотно сжаты, а глаза загадочно прикрыты различными немислимыми очками, подходящими под ее экстравагантные наряды.

Заехала она в квартиру под нами сравнительно недавно, и поначалу никто толком не знал, чем Лялька Кукаразова занимается. Но представить себе, что она ходит в офис в серебряных блестящих юбках в пол и леопардовых водолазках, было невозможно. Да и уходила-то она из дома совсем не в общепринятое рабочее время и возвращалась далеко за полночь. Потом только выяснилось, что она поет в барах и ночных клубах, что вызвало еще намного большее негодование в рядах бабинца, чем другие, не менее благочестивые их догадки.

Бабинцем я прозвал сплетнический клуб мамаш, регулярно собиравшийся у нас на кухне. Я ненавидел их посиделки среди сигаретного дыма и тортиков и не раз ругался с мамой из-за

того, что проводилась эта еженедельная веселуха именно у нас. Мама мне каждый раз объясняла, что встречаются они намного чаще и чередуют квартиры приема, но я ей не верил. Я не мог себе представить, что можно было еще чаще и еще больше перемалывать косточки всем кому попало. Ничего другого категорически не обсуждалось. Только кто что сделал, что сказал, на сколько граммов потолстел, кто совсем обнаглел, кто с кем завязал роман, чьих детей надо больше пороть, кто...

В общем, я не могу пересказать всех тем, потому что мне нельзя употреблять те слова, которые там обычно употреблялись взахлеб. Дамочки приходили к нам всегда в пестрых халатах, но с полной боевой раскраской на лице и немислимими завихрениями на головах, словно они в любую минуту могли натянуть на себя вечерние платья и отправиться на бал. Хотя мечтали они, конечно, не о балах, а о вечеринках у какой-нибудь звезды мыльной оперы, где от них обезумел бы престарелый олигарх и увез бы их куда подальше из этой ненавистной скукоты и повседневщины. Ногти у них были пластиковые, разноцветные и длинные, и мне всегда становилось дурно, когда они брали что-нибудь, что я еще собирался съесть. Конечно, под ними кипишилась целая куча доселе невиданных миром бактерий и палочек. Зачем-то они постоянно тянулись этими лопатками к моей голове, отчего меня вполне видимо передергивало.

Как только дамы входили на кухню, они включали телевизор, стоящий на холодильнике, чтобы обсуждать хотя бы сериалы или рекламу, когда иссякали знакомые особи, достаточно провинившиеся в каком-либо плане и достойные словесного удушения.

Но с появлением Ляльки Кукаразовой темы иссякать практически перестали. Злобно пуская сигаретный дым из открытого окна, они изливались желчью по поводу того, что выступает эта особа в крайне неприличном и дешевом виде. Под неприличным видом мне представлялся человек, находящийся в алкогольном опьянении и не владеющий своими телодвижениями и устной речью, и я готов был поклясться, что я ни разу не видел мадам Кукаразову в таком непристойном состоянии. Да и вещи ее выглядели не особо дешевыми, в отличие от цветастых халатиков с соседнего рынка, в которых эти мамы не стеснялись шнырять даже по двору на виду у соседей. Конечно, они ни разу не звали Ляльку Кукаразову присоединиться к их бабинцу (хотя сами они себя так, разумеется, не называли, да и не догадывались о том, какое дивное название я им придумал), но я сильно разочаровался бы, если б она согласилась.

Я сердился на маму и за то, что она участвует в этом беспределе пустоты и гнусности, но она всегда только вздыхала и становилась такой грустной, что я сразу чувствовал себя виноватым.

– А что мне делать? Что? – срывающимся голосом говорила мама, сидя за кухонным столом и упираясь лбом в ладонь, после того как бабинец рассасывался до лучших времен. – Сказать им, что я не хочу иметь с ними ничего общего? Меня на работе и так все с утра до вечера мучают. Думаешь, мне хочется, чтобы мне и здесь устраивали нервотрепку?

– Ты хоть понимаешь, что они и тебя разрывают на маленькие клочки, когда тебя нет рядом с ними? – настаивал я на своем.

Почему-то никому не казалось странным то, что из злостных и упоительных сплетней не исключались и сами участницы бабинца, если их по какой-либо причине вдруг не оказывалось на очередном шабаше.

Мама молча отводила взгляд в окно, и я бросался утешать ее, твердя, что если ей без бабинца будет хуже, чем с ним, то пусть он задымит и затопит болтовней хоть всю квартиру. Она улыбалась, но веселей не становилась. Наверное, она скучала по папе, думал я. А тогда всякое отвлечение было простительно. К счастью, мама не могла принимать участие в этих заседаниях лицемерия чаще, чем раз в неделю, у нас дома, потому что во все остальные дни они встречались в мамино рабочее время, так как сами на работу не ходили никогда, и надо было чем-то скоротать день до вечерних программ.

– Лялька Кукаразова? – поморщился я в ответ на заявление Василька. – Мог бы кого пооригинальнее на такую роль придумать.

– Я ничего не придумал! – закричал Василек и выхватил у меня только что всученный альбом. Только сейчас я заметил, насколько он был старым. Переплет еле сдерживал тоненькие, пожелтевшие листочки, а поцарапанная и грязная обложка норовила отвалиться в любой момент. Василек судорожно пролистал страницы, остановился на нужном месте и сунул мне альбом уже в лицо. – Смотри!

Я немного отпрянул, нехотя скользнул взглядом по древней черно-белой постановочной фотографии и... оцепенел. На портрете рядом со стоящим элегантным джентльменом с острыми усиками и пенсне, во фраке и цилиндре, сидела женщина на бархатном стуле с подлокотниками в виде львиных лап. И я был готов поспорить на всю свою библиотеку и глобус в придачу, что это была некто иная, как Лялька Кукаразова. Василек явно остался доволен моим ошарашенным видом.

– Ну что я сказал! – заулыбался он во весь рот. – Она бессмертная колдунья!

– Ну почему же обязательно колдунья? – пролепетал я первое, что пришло в голову. – Может быть, и вампирша.

Василек решительно покачал головой, причем дуршлаг следовал его движениям с некоторым замедлением.

– Нет, она совершенно точно колдунья, – сказал он значимо. – Вспомни всех этих людей и свет, и дым!

Я медленно кивнул. К Ляльке Кукаразовой часто навевались в гости разные люди. Некоторые были интересными, в высоких шляпах и пальто до пола или в таких платьях, которые на улице никогда не увидеть, некоторые совершенно обычные. Но всех их объединяло то, что приходили они с напряженными и нахмуренными лицами, а уходили, уже насвистывая и пританцовывая.

Как-то раз мы с Васильком и Макароном, его братом, спустились с чердака и оказались в правильном месте в правильное время. Как раз когда мы проходили мимо двери мадам Кукаразовой (мадамой я ее называл, потому что столь экзотическое существо виделось мне исключительно на фоне Эйфелевой башни с бокалом красного вина в руке, обтянутой бархатной перчаткой), за ней послышались прощающиеся голоса, она распахнулась, и нам открылась вся красота этого окутанного манящей тайной места.

Две невообразимо высокие дамы в белых платьях кланялись Ляльке Кукаразовой чуть ли не в пол, и когда они наклонялись, можно было получше разглядеть интерьер. Все было темное и одновременно блестящее. На стенах, переливающихся разными оттенками зеленого, висели зеркала в золотых оправках, картины бледных как смерть людей с высокими серыми париками и черно-белые фотографии. С темно-зеленого потолка свисала внушительная люстра и бросала, несмотря на свои размеры, только скудный свет на мебель цвета горького шоколада, еле вмещающуюся в коридорчик. На узкой подставке стоял старинный черный телефон с большой трубкой и диском для набора номера, а рядом с ним висела доска, на которой болтался кусок мела на золотой цепочке.

Но самое интересное творилось на заднем плане. Как и во всех других квартирах нашего дома, из коридора можно было попасть во все остальные комнаты, и последняя дверь, ведущая в гостиную, была открыта настежь. Из нее клубами валил белый дым, пахнувший неземными цветами и всеми пряностями мира, и падал яркий свет, мерцающий розовым и светло-зеленым. У меня перед глазами непроизвольно возник гадальный хрустальный шар, хотя видеть, что действительно находилось в гостиной я, конечно, не мог.

Я почувствовал, как за мной оцепенели мальчишки. И тут, когда высокие дамы в белом в очередной раз согнулись пополам, я поймал на себе спокойный и пронизывающий насквозь взгляд Ляльки Кукаразовой. Я вздрогнул. Волосы ее лились, как ручей, по контурам темно-

фиолетового платья, расстилающегося по полу, а выражение лица ни капли не выдавало эмоций. Была ли она недовольна тем, что соседские дети сунули свои носы (непроизвольно, правда, но все же) в ее личное пространство, или считала, что и так было пора наводить на весь двор страх и трепет?

Дамы-великанши вышли, не удостоив нас даже взглядом, словно нас вовсе и не было на лестничной площадке, и это мы были пришельцами из иных миров, а не они, и дверь с размаху хлопнулась и отрезала нас от того места, которому отныне суждено было стать воплощением всех наших грез. Василек вцепился в дуршлаг, а Макарон в длинную шею, которая очень способствовала и так очевидным дразнилкам. Мы были так потрясены и взволнованы, что просто молча разошлись по квартирам и закрылись в своих комнатах.

В этот раз на нас с Васильком напало то же благоговение, и мы в трансе побрели по своим углам обдумывать увиденное. И только вечером, собравшись после ужина с нашей стайкой на чердаке, мы были готовы поделиться тем великим открытием, которое должно было в корне изменить нашу войнушку с ребятами из второго подъезда в частности и нашу жизнь вообще. На чердаке не было ни одного даже самого малюсенького окошка, и беспросветную тьму освещало двенадцать свечек на потрясающей красоты подсвечнике, который Макарон как-то нашел на городской свалке. Взрослые часто выбрасывали всякие драгоценности и оставляли храниться веками разный хлам, что нам, детям, приходилось очень даже кстати. На той же свалке Макарон раскопал маленькие колокольчики и олени рога. Все это мы совместными усилиями прицепили на чугунный, размашистый, как дерево, подсвечник и навязали на него золотые цепочки с красными ленточками. Лялька Кукаразова точно бы позавидовала такой красоте.

На нашем чердаке было свалено столько всякой всячины, что там можно было бы прекрасно жить, если не обращать внимания на пролетающие клочья пыли, пауков, спящих вверх тормашками летучих мышей и нескольких привидений. Да, привидения там, конечно, тоже были, не зря же Василек не расставался с дуршлагом. Чердак не только являлся нашей штаб-квартирой, это было наше царство. Мы сидели на дырявых диванах, из которых торчали пружины, лежали на полусъеденных персидских коврах, приносили кипяток и рассыпной чай для скрипучего самовара и пили жгучую жидкость из фарфоровых чашек с отколотыми краями. И мы были совершенно неоспоримо самыми большими счастливицами на свете.

Обычно на чердаках запрещалось копить всякий хлам, а в особенности бумаги, которых у нас хватало с избытком. Это было как-то связано с предотвращением пожаров, и мама при виде всего этого топлива в незначительном расстоянии от открытого огня точно упала бы в обморок. Но мне казалось, что наш чердак скрыт каким-то заклинанием, делающим его невидимым для всех людей за пределами подросткового возраста. Взрослые его не просто не замечали, они вообще не помнили о его существовании. Словно уже сама лестница, ведущая к чердаку, таилась под покрывалом-невидимкой.

Под серо-льняными полотнами на чердаке хранились невесть чьи башни документов, альбомов и книг. Когда мне вдруг становилось скучно, что вообще-то случалось крайне редко, я копался во всем этом, то и дело натываясь на что-нибудь интересенькое, хотя львиная доля всего этого богатства состояла из счетов, деловых писем и прочего занудства. И я искренне жалел о том, что это не я первый обнаружил альбом с фотографией бессмертной Ляльки Кукаразовой. Что не мое сердце билось во все более бешеном темпе по мере осознания своего невиданного открытия и торжества ситуации.

Пока эта история была тайной Василька и меня, но пришло время поведать о ней и остальным. Они уже заподозрили что-то по одним нашим важным лицам и сидели, затаив дыхание. Танцующий свет падал на лица Макарона, Гаврюшки, Пантика и прозрачного, как весенний ручей, Тимофея. Он единственный смотрел не на нас, а на пузатый самовар, отражающий полыхающие огоньки, и губы его произносили беззвучные слова.

«Дома он нарисует этот самовар таким, каким он его увидел, и это, как всегда, выразит суть всех самоваров на свете», – подумал я. Тимофей был странным ребенком. На улице его часто толкали или вовсе сшибали с ног, потому что просто не замечали эфемерного мальчика. Его волосы были цвета полнолуния, и хотя водянисто-ясные глаза всегда всматривались предельно внимательно в окружающий мир, их мало кто видел с высоты своего взора. Добравшись до какого-нибудь угла, Тимофей прятался в него, как призрак, и часами рассматривал голубей и бездомных собак. Шаги его были беззвучны, и я вздрагивал каждый раз, когда его невесомая рука опускалась мне на плечо. Единственным цветным в его облике были следы краски на худеньких пальцах, сквозь которые просвечивались сосуды – доказательство того, что он все-таки был не духом.

Тимофею было девять лет, но стоило ему произнести одно из своих немногочисленных слов, и я готов был поспорить, что ему не менее девяти веков. Он почти не говорил словами. Все, что он хотел сказать, он говорил красками на бумаге.

Я торжественно откашлялся и выпрямился.

– Сегодняшний день войдет в историю нашего двора, как тот день, который разделит время на до и после. На детские догадки и решительную детскую уверенность, на подготовку и настоящую битву, на игры и суровую реальность.

Чердак погрузился в гробовую тишину.

– Ты долго заучивал эту фразу? – наконец поинтересовалась Гаврюшка.

Я покраснел, что, к счастью, при нашем скудном освещении было не столь заметно.

– Вообще-то две фразы, – сказал я немного смущенно. – Но не в том суть дела. Вы хоть поняли, что я сказал-то?

– Пока не очень, – радостно отозвался Пантик и принялся протирать свои очки.

– Можно я? – зашипел рядом со мной Василек и, не дождавсь ответа, заорал: – Мы сегодня обнаружили старинный-престаринный альбом, в котором есть фотография, самая настоящая фотография Ляльки Кукаразовой! Она живет на свете уже примерно тысячу лет. Она колдунья!

Я с приливом нежности отметил, что он не стал заострять внимание на том, что нашел клад именно он. Для доказательства Василек швырнул на персидский ковер тот самый альбом, поднявший облако сверкающей пыли. К нему потянулись сразу четыре пары рук. Достался он Макаруну, который обвинил его своими длинными пальцами и быстро залистал страницы. Он скоро нашел, что искал, и три головы, склонившиеся над ним одновременно, ахнули. Тимофей недоверчиво покосился в их сторону.

– Офигеть! – восхищенно протянула Гаврюшка.

– Я это маме скажу! – радостно предупредил ее Василек.

– Это слово можно говорить.

– Нельзя.

– Ладно, молчи.

– Это что же это такое получается? – протянул ошеломленный Пантик. – Вы шутите?

– Нисколько! – ответил я довольно. – Вы хоть понимаете, что это значит?

Несмотря на всеобщий оцепенелый восторг, никто ничего толком пока не понимал.

– Это значит, что то, что хранится у Ляльки Кукаразовой в гостиной, испускает сладкий дым и розово-зеленый свет и привлекает толпы народу, является самой настоящей магической штуковиной! – пояснил я и почему-то начал ужасно волноваться.

– Почему это? – сморщил лоб Макарон.

– Ну как почему? – возмутился я. – Раз она бессмертная колдунья, значит, у нее должно быть какое-то непостижимое сокровище! Все эти люди только для того и приходят, чтобы хоть недолго побыть с ним рядом...

– Моя мама говорит, что эти люди приходят, потому что Лялька Кукаразова последняя ш...

– Спасибо, Василий! – грозно перебила его Гаврюшка. – И что же это такое, рядом с чем хочется побыть хоть недолго? – обратилась она ко мне.

Я пожал плечами.

– Ну, я пока, ясное дело, ничего толком не знаю. Вот в этом-то и состоит теперь наша задача. Наша совместная задача... – Я набрался мужества и продолжил: – Наша совместная задача с ребятами из второго подъезда.

Как я и ожидал, начался страшный переполох. Оживился даже Тимофей и вылупил на меня свои пронзительные глаза.

– Да подождите вы! – закричал я громче всех и замахал руками. – Дайте мне высказаться!

– Ну, слушаем, слушаем... – строго буркнула Гаврюшка и скрестила руки на груди.

– Если мы забросим нашу пока в принципе бессмысленную, если уж говорить откровенно, войнушку и пустим все силы на разгадку тайны Ляльки Кукаразовой и ее волшебной вещицы, то второподъездники, несомненно, что-то заподозрят. Кто считает Борьку Заразкина дураком, поднимите, пожалуйста, руки.

Все руки, кроме моей, устремились к потолку.

– Дураком, в смысле тупым, – вздохнул я.

Руки не опускались.

– А вот очень даже зря! Он совсем не дурак! И в стайке его есть очень неглупые мальчишки, как всем нам хорошо известно. Да и Машка эта с головой вроде дружит.

Гаврюшка насупилась. Я сделал вид, что не заметил.

– Что нам работать против них, если можно работать с ними удвоенными силами?

– Ты предлагаешь объединиться? – в ужасе проговорил Макарон.

– Нет, не объединиться, – разнервничался я, – а объявить бой за одну и ту же цель.

– Но зачем? – спросил Пантик с искренним недоумением.

– Чтобы быстрее двигаться к этой самой цели.

– А зачем нам быстрее двигаться к цели?

– Чтобы второподъездники не выяснили раньше нас важную информацию и не обошли нас стороной.

– А если ты сам им расскажешь важную информацию, это будет лучше? – покачала головой Гаврюшка.

– Мы установим четкие правила, как на войне...

– На войне нет правил, на то она и война.

– Хорошо, в нашей войне будут четкие правила. Мы все обговорим и разложим по полочкам.

– Зачем?! В сотый раз, Воробей, зачем?

Вдруг я понял, что запутался и не могу ясно и доходчиво изложить свои мысли. Даже самому себе. Я расстроился.

– Знаешь, что мне кажется? – строго спросила упертая Гаврюшка. – Мне кажется, что ты только говоришь, что игры закончились. На самом деле тебе безумно хочется очередной игры.

Я опустил взгляд на свои колени в продырявленных джинсах. Василек нервно ерзал рядом со мной на диване. Он явно не совсем понимал, о чем тут вообще велся спор. Меня тихо грызло чувство неполноценности, потому что я, как вожак, не мог предъявить своей стае конкретный, придуманный план действий, и Гаврюшка это сразу пронюхала.

– Почему ты не можешь быть просто честным, Воробей? – снова послышался ее голос, и мне захотелось зарыться среди вонючего поролона и пружин дивана. – Почему ты не можешь просто признаться, что тебе хочется игры?

Я удивленно поднял взгляд и посмотрел на нее, ухмыляющуюся.

– Ну, давай, скажи громко и ясно: я хочу сыграть в самую головокружительную, сумасшедшую, незабываемую игру на свете! Пусть у нее будет жутко серьезная цель. Но я хочу игру! Давай говори!

И я понял, что это чистая правда и что не надо было никаких оправданий и отговорок. Я приложил правую руку к сердцу и повторил все до единого слова. Потом мы сели все в круг на персидский ковер и положили наши руки одна на другую.

– Да будет игра, и да победит отвага! – грянули мы хором, так что с потолка под нами сахарной пудрой посыпалась штукатурка.

Потом Василек задул свечи, а Пантик обхватил руками Макарона за шею, чтобы тот снес его по лестнице к коляске. Гаврюшка подставила мне руку и одной улыбкой и светящимися глазами сказала «Дай пять!», а Тимофей растворился в остывающем дыме двенадцати свечей.

Перед сном я долго сидел в пижаме на подоконнике, рассматривал крыши и звезды в подзорную трубу и слушал звенящие мелодии, доносящиеся до меня прямо с небес.

– Джек, Джек, – приговаривал я шепотом, – надеюсь, ты видишь, какая буря тут назревает. Лети, лети, Джек, лети до горизонта и обратно. Лети к розовым облакам, а потом все дальше, дальше, к синим тучам и тихим далям. Лети к далеким морям и океанам, передай там привет моему папе. Лети. Но возвращайся иногда ко мне. Не забудь иногда возвращаться ко мне, Джек.

Мама Воробья

Она сидит у открытого окна и тербит сигарету в пальцах с розовыми ногтями. Каштановые волосы падают ей на плечи крупными волнами. На ней строгая бордовая кофта и не менее строгое, но еще и запуганное выражение лица. На плите варится картошка, а из детской доносится Шопен.

(Глубоко вздыхает.) Ну... А как вы думаете? Полагаю, каждой матери-одиночке сложно. Встаешь ни свет ни заря, собираешься наспех и перекусываешь, долго будишь ребенка, делаешь ему завтрак. Ребенок говорит, что ему плохо и что он не может идти в школу, ты ругаешься, но уходишь, потому что надо уже бежать на работу, вся на нервах мчишься к метро... Вот начало дня...

Потому что... Потому что он хорошо учится, даже если не ходит в школу, где его приступы усугубляются. Приходится ложиться в больницу. Думаете, у меня на такое развлечение есть время? Отец его как пропал, так и не заплатил ни разу ни гроша. *(Нервно затягивается и украдкой смотрит на дверь.)* Вот такие они, мужики. Все оставил, ничего с собой не взял. Наверное, посчитал, что это очень благородно с его стороны. А сын его несчастный каждую принадлежавшую ему ерунду хранит, как сокровище. Знал же, что ребенок больной! Ну как так, скажите, пожалуйста! Как так можно? *(На глаза наворачиваются слезы.)* Я целыми днями кручусь в этом офисе как белка в колесе и думаю постоянно о том, как бы сыну не стало плохо. Чем он там занимается? А когда прихожу вечером, вся измотанная, еще и убраться надо, ужин приготовить... А после всей этой суматохи даже сил нет с ребенком поговорить. *(Утирает слезы.)* Так и живем с ним рядом, но не вместе.

Откуда мне знать? Сволочь потому что. Мужества не нашлось, чтобы сказать, в чем дело. Были, конечно, проблемы, что уж лукавить... Да и ладно, если бы это касалось только нас обоих. Но ребенок-то! Каково же ребенку? Понять, что отец его просто взял и пропал. Даже попрощаться с сыном времени не нашел. Я уже подумывала написать ему письмо – якобы от

папы. Но вовремя не решилась, побоялась, закутилась... Поначалу он еще плакал, спрашивал, что случилось, где папа. А потом закрылся в себе, и всё.

А что мне было ему сказать? Что папаня его к какой-нибудь малолетней дуре удрал? Я-то не знаю точно, но что еще думать? Объяснила лишь в общих чертах, что иногда получается так, что мамы или папы решают уйти, и всё.

Не знаю, что конкретно он понял. Сначала кивал. Потом и вовсе перестал спрашивать. Мне так легче, если честно. Ну, что я ему скажу?

Пытались, пытались искать. Не нашли. Но я-то для себя знаю, что ничего такого с ним не случилось. В то утро... В то утро я нашла записку, прикрепленную к зеркалу. «Прости. Поверь, так надо». Вот какой цинизм бездонный. Так надо и еще и прости. Прости меня уж, что бросаю тебя с ребенком на произвол судьбы. Но так надо. *(Тушит сигарету в пепельнице и машет руками в воздухе.)* Как после такого еще мужчинам доверять, скажите мне, пожалуйста? Он и так больному ребенку и психику в добавок искалечил. Знаете... Не хотела сначала говорить, но теперь уж скажу. Знаете, почему он больше не спрашивает, где его папа? Потому что он сам себе какую-то фантастическую историю придумал. Папа в ней просто герой! Можете себе представить, как это больно? Когда этого козла с сердцем изо льда, который вам душу всю искромсал, почитают героем? А я для него кто? Да, мы с ним тоже нечасто общаемся, но я все-таки здесь. Я же не предавала его! *(Музыка в детской затихает, и она испуганно бросается умываться в раковине. На кухню заходит худощавый мальчишка с озабоченным лицом.)* Воробышек, иди еще позанимайся, миленький.

В.: Мам, ты плачешь?

М.: Нет, это так просто...

(Мальчик грозно смотрит на нас и медленно уходит.)

Да... Ну вот так вот... Видите, даже спокойно поплакать нельзя. Надо быть железной леди до самого конца. Надоело все это. Надоело. Так хотелось быть нежной, слабой женщиной. Женой и мамой, которая гладит всех по головкам и варит борщи. Так много всего хотелось... *(Задумчиво смотрит в окно.)* А потом ты крутишься на адской работе, на которой тебя не ценят, и в промежутках драишь полы в доме, в котором ты никому не нужна... Да, ничего у меня не получилось в этой жизни. Ни мужа удержать, ни построить доверительные отношения с единственным сыном. Вот так вот. *(Резко поворачивается.)* Вы довольны? Это вы хотели слышать?

Глава 2

Вольные птицы

– Э-ге-гей! Воробей!
Он всех краше и сильней!
Не дурак и не злодей!
Всех умней и всех бодрей!
Э-ге-гей! Воробей!
Бей ты двушников сильней!

Громогласные песни Василька, свирепствовавшего внизу посреди двора, доносились до самой крыши. Они, несомненно, доносились и до самих двушников (так мы иногда называли наших соперников из второго подъезда), но всерьез разозлиться и излупасить мелкую шестилетку они не могли. Это нанесло бы убийственный ущерб их репутации. У Василька был непревзойденный поэтический дар, и все мы надеялись, что он прославится на всю страну, как только подрастет до таких размеров, чтобы его было видно на сцене.

Вообще-то это именно его стоило назвать каким-нибудь элегантно-экзотическим именем, но на третьем ребенке родители-извращенцы уже вразумились. Старшему сыну досталось бремя имени Макарон. Почему-то тете Свете, когда она услышала в каком-то французском фильме название маленьких пирожков в пастельных тонах и прослезилась от умиления и грез о том, что ее маленького пирожка, пекущегося на тот момент в животе, можно было бы назвать точно так же, не пришла в голову вполне очевидная ассоциация с продолговатыми изделиями из теста. Дяде Сереже эта ассоциация в голову пришла, но так как тетя Света уже успела целый день протвердить пирожку в животе, что звать его будут именно так и никак иначе, дело было необратимо. Так Макарон стал Макароном и был вынужден терпеть издевательства с самого первого обеда в первой группе садика, на который к столу подали спагетти.

К сожалению, к тому моменту у тети Светы уже успел родиться второй пирожок, в этот раз женского пола, и счастливая розовощекая мамочка на удивление бодро крикнула акушерке, что ребенка будут звать Габриэлой, стоило бедному, слепому младенцу выкарабкаться на свет и жалобно запищать. Оказывается, так звали какую-то длинноногую и густогривую красавицу из неведомой тете Свете доселе страны, которая особенно красиво прошастала по длинной сверкающей дорожке в купальнике, за это получила переливающуюся коронку и тем самым прославилась на весь свет. Как на зло, подросшая Габриэла до коллик ненавидела заколочки, платица и подиумы и, недолго думая, переименовала себя в Гаврюшку, и сложно было не согласиться с тем, что для потенциальной королевы красоты менее подходящего имени было не придумать.

Этот печальный опыт приземлил порывы тети Светы, и младшему сыну уже повезло значительно больше, чем пострадавшим брату и сестре. В тот день, когда Василек, весь сморщенный, фиолетовый и кровавый увидел свет, уставшая тетя Света вяло ткнула в святцы и взяла первое попавшееся приемлемое имя. Дяде Сереже было уже давно все равно. Так, потрясенный процессом родов и небывалыми ощущениями трепетный комочек назвали Василием.

– Э-ге-гей! Воробей!
Лучше тысячи парней!
Как он лих и красив...

Каков я, дослушать не получилось, хотя очень хотелось. Кто устает слушать дифирамбы в честь своей малости? Но тут окно на втором этаже второго подъезда с дребезгом распахнула энергичная ручка тети Юли, мамы того самого Борьки Захаркина. Так как отец его был вполне размеренным и обычно ужасно уставшим мужчиной, догадаться, от кого сыну-заразе достался резвый нрав, было нетрудно.

– Сколько можно орать, мать твою?! – заорала тетя Юля раз в двадцать громче Василька, и даже с крыши я усмотрел размазанную красную помаду на ее щеке. Видно, от приступа перелившейся за края терпимости злости рука задрожала и съехала. Бабинец никогда не скупился на смачные выражения даже при детях и даже в их адрес. Василек окаменел, а до меня долетела ядовитая прохлада, сводящая грудь.

На противоположной стороне двора чуть не вылетело из рамы другое окно, и появилась в нем уже тетя Света с выпученными глазами. Их она докрасила в спокойствии.

– Ты чё, мать, охе...

Я заткнул уши. Единственное хорошее в этой дружеской перепалке было то, что, скорее всего, следующий бабинец отменят или же он пройдет в неполном составе. Чем их меньше, тем лучше, считал я, хотя поводов для обглаживания костей становилось, конечно, значительно больше. Внизу Василек принял верное решение и тихонько сматывался к лестничной площадке нашего подъезда, пока подружки продолжали общаться, брызжа слюной и упиваясь праведным гневом.

– Раз, два, три... – тихо начал я отсчитывать секунды до появления головы с дуршлагом в выходе на крышу. Вокруг меня носились обычно столь неспешные голуби. – Четырнадцать, пятнадцать...

За край люка схватились две руки с грязными ногтями, и в следующее мгновение пыхтевший Василек уже сидел рядом со мной.

– Ну, ты быстро, друг-товарищ, – с уважением сказал я и присвистнул.

Василек пожал плечами и, не спрашивая, взял мое уже надкусанное яблоко, лежащее на подстилке рядом с подозрной трубой и учебником по физике.

– Жарко, – сказал он, жмурясь на высокое обеденное солнце.

Я снял с себя широкополую соломенную шляпу и положил ее поверх дуршлага. У Василька были очень светлые волосы, которые так беспощадно пропускали жгучие лучи, что он мог хватануть удар легче, чем простуду в феврале.

– Хочешь, прочту тебе официальное обращение к главе отряда второго подъезда? – спросил я и достал из учебника сложенный пополам лист бумаги.

– Отряду? – сморщил нос Василек и хрустнул яблоком.

– А что мне писать? Болванам? Мальчишкам и девочкам? Полку?

– Полку? Это то, что с войной, да?

– Ну да.

– Вот это хорошо!

– Ладно, я подумаю. – Почесал я затылок, который сразу стало изрядно припекать. Сентябрь в этом году выдался на редкость не осенним. Даже не раннеосенним. – Так читать?

Василек активно закивал, не отрываясь от яблока.

Я откашлялся. У меня была дурная привычка откашливаться перед важными сообщениями. Это я взял из до боли скучных маминых фильмов и теперь злоупотреблял этой недетской повадкой. Надо было кончать с этим делом.

– По наиболее важному, срочнейшему поводу требуем немедленной встречи на нейтральной территории для обсуждения дальнейшего военного статуса и боевых действий. Категорически запрещается наличие палок, камней, рогаток и прочей тяжелой артиллерии. Просто запрещается наличие жвачек, плевательных трубочек, фломастеров и т. п. Заранее уточняем, что продолжения последнего состязания, сыгранного вничью, на этой встрече не предусмат-

ривается. Уверяем вас, что имеющаяся у нас информация заинтересует вас так, что вы более не сможете спать ни одной ночи, пока игра не будет доведена до феерического заключения. С просьбой о наискорейшем предложении места и времени встречи. *В. и стая.*

- А почему мы стая, а они отряд? – поинтересовался Василек.
- Потому что у воробья должна быть стая.
- А ты не хочешь придумать нам какое-нибудь нормальное название?
- Что значит «нормальное»?
- Типа «Дикие пернатые».

Иногда я просто диву давался этому шестилетнему сопляку с орущей непечатной речью мамашей. Я посмотрел на него с лаской и гордостью старшего брата, которым я ему, к сожалению, никак не приходился.

- Надо будет подумать, – пообещал я.
- А дуршлаг – это тяжелая артерия? – вдруг запереживал Василек.
- Артиллерия? Не думаю. Ты же никого им не бьешь?
- Правильно, с дуршлагом надо аккуратно, – важно заметил он.
- Так что, нормальное послание?

Василек вскочил и протянул руки к небу. Огрызок скатился в водосток.

– Это самое замечательное послание на свете! – провозгласил он. Затем вытер себе запястьем рот и протянул мне липкую ручонку. – И его срочно надо доставить в почтовый ящик, предводитель стаи!

Почтовым ящиком у нас называлось отверстие в каменной арке, которая вела к нашему двору. На очень удобной для невысоких людей высоте не хватало несколько кирпичей. Прямо за подстилкой Мистера Икса. Вернее, это мы специально так переместили его подстилку, чтобы у нашего тайника хотя бы иногда был сторож. Раньше Мистер Икс спал в самом дворе, но, как и стоило ожидать, в какой-то момент бабинец запротестовал, бросаясь общими фразами про заразу и опасность, исходящие от укусов и немывтой шерсти. Добиться того, чтобы пес имел право на пребывание хотя бы в арке, нам стоило немалых усилий. В конце концов упорную оппозицию взял аргумент, что собака ловит крыс и разносит их на клочки острыми зубами. Разумеется, ничего такого добродушный, как сам Махатма Ганди, Мистер Икс в жизни не делал, да и крыс я в нашем дворе отродясь не видел, но предварительный страх перед нашепствием грызунов взял свое.

Мистер Икс же был самой свободой. Находясь на дне и не имея ничего, кроме своего собачьего достоинства и нашей дружбы, он мог приходить и пропадать, когда ему хотелось. Мы приветствовали его как короля и плакали поодиночке в подушку, когда его долго не было. Никому из нас по мнимым причинам не разрешалось держать собак, и единственным хорошим во взрослении мне виделось то, что тогда уже никто не смог бы запретить мне устроить у себя дома подобие приюта. Без кошек. Мне уже достаточно досталось от засранки Клеопатры, считающей себя, видимо, перевоплощением своей знаменитой тезки.

Мистер Икс был крайне неприметен в своей грязной лохматости, появлялся, как тень, и даже не оставлял особых следов и огрызков на снегу. Эта собака могла быть любой другой, одной из многих и всеми сразу, глаза она прятала не под челкой, так как таковой у нее не имелось, а под полужакрытыми веками. Она была совершенно неуловима, по сему ее и прозвали «Мистер Икс». Хотя с таким же успехом она могла бы быть и «Миссис Икс», так точно этого никто не знал.

Близнецы Тесла из второго подъезда смастерили маленькую дверцу с тонкой кирпичной фанерой, так что посторонний ни за что в жизни бы не подумал, что в этой стене может быть что-то интересненькое. Близнецов Тесла, конечно, не по-настоящему звали так. Эту кличку мы им присвоили за незаурядный изобретательский дар, и я горько жалел о том, что по воле случая

жили они во вражеском подъезде. Идя по коридору, можно было заметить натянутую нитку на уровне щиколоток, усмехнувшись, перепрыгнуть и поскользнуться на невидимой жидкости так, что легко можно было слететь на следующий этаж. Или взорвать лампочку, нажав на выключатель. Или схватиться за палку, которая при первом взмахе разваливалась на три части. Или, или, или...

А звали их Ярославми Николаевичами Двуденко. Обоих. Полагая, что путаница близняшек, похожих друг на друга как две капли воды, неизбежна, родители решили заранее предотвратить неоднозначность и неприятности и просто именовали обоих сыновей одинаково. Подросшие мальчики были не сильно довольны таким раскладом и даже ненавидели свое второе «я» какой-то период времени до такой степени, что изошрялись в своих коварных изобретениях как могли, чтобы применить их друг на друге. Может, именно эта борьба и привела к потрясающим результатам. Когда оба поняли, что вместе могут покорить весь мир, они дружески пожали ошпаренные, проколотые, усталые руки и произнесли как один: «Ярик и Славик». Так один стал Яриком, а другой – Славиком, и война за имя и личность была окончена.

Я удостоверился, что никто за мной не подглядывает, быстро подковырнул дверцу ногтем, закинул в почтовый ящик военное послание и поставил крышку на место. Дремлющий Мистер Икс вяло вильнул хвостом, и я потрел его по слипшейся пыльной шерсти, упругой, как конский волос. Когда я был совсем маленьким, папа иногда вывозил меня в деревню к бабушке с дедушкой, и там я успел натрогаться разной живности. Папа крепко держал меня за подмышки и смеялся, когда я пугливо отдергивал руку от длинных, влажных и крепких, как хобот, языков.

Потом папа пропал, и с ним пропали и мои загородные путешествия. Я даже не винил в этом маму, хотя она и не пыталась сподвигнуть меня на поездку к лесам и полям. Мама была поглощена своими бедой, злостью и отчаянием. Просто без папы мне не виделось смысла в приключениях такого рода. У меня были мой двор, мои книги, мои друзья и где-то у меня был Джек. Этого мне хватало.

Небо покрывалось огненным полотном, воздух становился густым и сладким, а теплый ветер доносил до моего открытого окна отголоски музыки с улиц и из открытых дверей ресторанов и баров. Я сидел за столом и писал письмо, зная, что не смогу его отправить, пока не случится чуда, и я не узнаю адреса того, кому оно предназначалось.

«Дорогой папа, я надеюсь, что на дне океана все нормально, и рыбы не слишком волнуются из-за глобального потепления. Все-таки мне кажется, что до таких глубин это потепление будет идти еще довольно долго. И, может, даже когда оно дойдет, будет не таким ощутимым. Я видел фильм, в котором у некоторых рыб, страшных, как смерть, на лбу болтаются фонарики. Ты видел таких? Ты мог бы сфотографировать хотя бы одну, если у тебя есть подводный фотоаппарат? Я уже нарисовал портрет такого миленького чудовища, но хотелось бы удостовериться, что все как надо. Вообще-то я хотел подарить этот рисунок тебе, чтобы он висел в твоей каюте, но если ты хочешь кого-нибудь посимпатичнее, то я могу нарисовать, например, дельфина. Только скажи, какого ты хочешь, там же тьма-тьмущая разновидностей...»

Вдруг в мою дверь кто-то постучался, кто, судя по стуку, был явно не мамой. Я вздрогнул и лихорадочно запрятал письмо в ящик стола.

– Да? – крикнул я и встал, потому что гостей надо встречать стоя.

Зашла Гаврюшка. Она выглядела смущенной. Почему-то она всегда поначалу выглядела смущенной, даже если она приходила в гости к кому-то, кого она знала тысячу лет. Как меня. Потом она оттаивала, расходилась и становилась сама собой, резвой девчонкой-мальчишкой с длинной темно-русой косой, единственным женственным признаком, на который смогла уловить ее мама. На Гаврюшке были отрезанные выше колен джинсы, разноцветная майка и раз-

ношенные кеды, а на руках висела уйма плетеных фенечек. Она оглянулась, хотя дверь была уже плотно закрыта, достала из рюкзака помятую бумажку и протянула ее мне. Для того чтобы подчеркнуть важность передаваемого, она широко раскрыла глаза и слегка кивнула.

– Семь часов в подвале второго подъезда. Не опаздывать, не торговаться. КК, – прочитал я вслух. – Да-м, не жирно и нахально. В принципе характерно. И вообще-то я написал «на нейтральной территории».

– И что такое КК? – ткнула в бумажку Гаврюшка.

Я пожал плечами.

– Ну, если прочитать по буквам, то получается... Получается...

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Вот дураки-то! – обрадовался я. – Ладно, за это я прощаю им их подвал. Пока они могут еще диктовать свои условия. Потому что мы от них что-то хотим. Но скоро они запляшут под нашу дудку.

– Почему ты так думаешь? – усомнилась Гаврюшка. Лицо ее отражало ошеломляющий закат за окном.

– Потому что мы предложим им самую лучшую игру на свете, – сказал я, скомкал бумажку и бросил ее в мусорное ведро под столом. – Главное – успеть вернуться до ужина.

Посреди промозглого бетонного помещения с капающим потолком стоял деревянный стол под желтой лампой, грустно болтающейся в этой безотрадной каморке. По обе стороны стола стояли два стула, и на них сидели я и Борька Захаркин, уперто смотря друг другу в глаза, как два быка. За нами толпились наши ребята. Помимо близнецов Тесла, из-за Борьки на меня таранились с недобрим выражением лица красавица Машка, сестра самого Борьки. А еще совсем не красавица ее подруга Женька и спортсмен, комсомолец и просто красавец Давид.

Давид обычно отсутствовал почти всю зиму, потому что участвовал в нескончаемых горнолыжных соревнованиях, из-за чего ему совершенно легально разрешалось прогуливать добрую часть школьных занятий в году. Я понимаю, что я не совсем тот, кто имеет право возмущаться по поводу отсутствия других детей в школе, но мне, в отличие от Давида-Голиафа, пятерки просто так не дарились за милую душу. Мне очень хотелось верить в то, что загорелый, органичный в своих движениях, как пантера, Давид был не слишком одарен в умственном плане. Да, он мог взять и закарabкаться по водосточной трубе на третий этаж и написать мне на окне помадой непристойные слова, но хватило бы ему серого вещества, чтобы рассмотреть важные детали в моей комнате и применить это знание как оружие против меня?

Тем не менее все девчонки были влюблены именно в него. С гложущим неприятным чувством я подозревал, что это касалось даже той самой Гаврюшки. По крайней мере, она не отпускала по своему обычаю колких и метких замечаний, когда он хвалился своими достижениями на весь двор.

Самым маленьким в этом подвале был Василек. Он был вообще единственным, кому было меньше десяти лет. Не потому, что в нашем дворе кроме него таких детей не имелось, а потому, что в нашем подъезде была только еще одна малявка, не умеющая даже ходить, что исключало ее априори из игры в войнушку, а в Борькину команду шел жесткий отбор, который, по большому счету, сводился к возрасту желающих вступить в полк.

Борька был неумолим, но иногда делал вид, что может пересмотреть свое решение за определенные рабские услуги, на которые бедные сопляки с удовольствием и самоотдачей шли. Само собой разумеется, что Борька никогда не передумывал, но пользоваться рабским трудом не переставал. Девтора таскала его рюкзаки и сумки, приносила ему конфеты и протирала пыль в его комнате. Почему-то ничьи родители не были против такого расклада или просто делали вид, что ни о чем не знают.

Борька наклонился вперед и впился в меня прижмуренными, водянистыми глазами.

– Ну-с, выкладывай, воробей подстреленный.

– Вообще-то на такого рода встречах выдерживается определенный этикет, – напомнил я ему.

Борька откинулся назад и закинул ноги на стол.

– Наша территория, наши правила, – процедил зараза Борька, и двушники поддержали его ухмылками и перешептываниями.

– Да, это кстати, тоже не совсем понятный нам пункт, – спокойно сказал я. – В нашем послании ясно говорилось о нейтральной территории, и соглашаемся мы на такой произвол в первый и последний раз.

– Ну так путь-дорога! – вскрикнул Борька и указал сразу двумя руками на выход. – Никто вас не держит!

Я встал и сделал шаг в сторону двери.

– Пойдемте, – махнул я рукой своим. – Никого нельзя вынудить быть соучастниками самой большой тайны этого города.

Восемь ног и два колеса потопали и покатались за мной. За нами послышался бурный шепот.

– Стойте! – недовольно окрикнул нас Борька.

Я обернулся, и он учтиво указал мне на только что покинутый мной стул.

– Извиняюсь и милости прошу, – сказал он с неискренней улыбкой. – Мы выслушаем вас от начала до конца.

Мы вернулись на свои места.

– В нашем подъезде живет колдунья, и есть у нее что-то необычайной важности, предающее людям радость и счастье, – начал я без предисловий. Надо было успеть к ужину.

Настало полное затишье, и через узенькое окошко под потолком послышался крик птиц, мелодично провожающих день.

– Очень смешно, – нахмурился Борька. – И кто же это?

Я не сразу ответил, решив потомить его. Надо было вышибать из какашников наглость и учить их ценить подарки.

– Лялька Кукаразова, – наконец сказал я, и в подвале поднялся возбужденный гул.

– Тише! – гадким голосом прикрикнул Борька, не сводя с меня брезгливого взгляда. – Я не собираюсь вытягивать из тебя информацию по слову. Так что если у тебя есть что сказать, то говори.

Мне хотелось плюнуть на этикет и броситься на него с кулаками, но дальновидность взяла верх. И я рассказал. Все. Про альбом, странных посетителей, дым и свет, про наши подозрения и догадки. Все слушали меня затаив дыхание, даже моя собственная стая, внимающая этой истории не в первый раз. Я развел руками в знак того, что закончил.

– Вот и все.

Борька закрыл непроизвольно отвалившуюся челюсть и быстро принял былое гнусное расположение духа.

– Ну, допустим... допустим!.. Что эта белиберда, которую ты наговорил, чисто теоретически правда, – зацедил он своим скучающим тоном. – Так какого черта вы решили с нами этим поделиться? Тут же явно какой-то подвох!

За ним ребята стала ругаться и грозить нам кулаками. Я почувствовал жгучий взгляд Гаврюшки, сосредоточенный на моем затылке. Надо было быть откровенным.

– Мы хотим сделать из этого игру, – сказал я уверенно и четко. – И мы думаем, что если нас будет в два раза больше, то у нас будет больше шансов разгадать эту загадку. – Я коротко перевел взгляд на братьев Тесла, которые смотрели на меня очень даже заинтересованно. – Мы уже написали правила. – Я не глядя протянул руку назад, и Гаврюшка вручила мне два заранее подготовленных нами листа. – Вот они. Все ясно и понятно. Если вы согласны играть

в эту серьезную игру, игру на жизнь и смерть, если так угодно, то вожаки должны подписать этот документ.

Борька небрежно приподнял бумагу с нашими правилами и начал читать их с таким видом, будто ему это доставляло массу усилий, что меня, в общем-то, не удивило бы.

– До попытки проникновения в квартиру колдуньи каждая команда должна записать максимум две догадки о сущности светящегося шара, – читал он тихо, медленно и отрывисто. – Листки с догадками должны быть отданы на сохранение господину Дидэлиусу – в ящик на замке. В определенный, заранее обговоренный вожаками день, ящик откроют, и догадки будут прилюдно оглашены. Только после этой процедуры командам позволяется приняться за осуществление проникновения на заветную территорию с целью захвата источника всемирного счастья. – Тут Борька оторвался и недобро посмотрел на меня. Я начал бояться, что он ничего не поймет. – Если впоследствии окажется, что догадка была неправильной, светящийся шар автоматически переходит во владение другой команды. Если же и их догадка окажется неправильной, то шар как можно более незаметно возвращается на свое законное место, – закончил Борька, но не поднял глаз.

Мне казалось, что все затаили дыхание и судорожно переваривали информацию.

– А с какой стати мы вообще должны вам верить? – огрызнулся в конце концов Борька. – Как вы нам докажете, что это все не очередная бредовая выдумка?

Тут наступил звездный час Василька. Гордый, как новоизбранный президент, он шагнул вперед и празднично открыл перед Борькой альбом на фотографии двойника Ляльки Кукаразовой. Над Борькой нависло пять голов с любопытными глазами, и все уставились в альбом.

– Екарный бабай! – присвистнул Давид.

Явно изумленный и недовольный своим изумлением Борька кивнул.

– Ну, допустим, – сказал он морщась. – Но что нам мешает плюнуть на вас и ваши правила и просто взять и заполнить этот шар?

Я смотрел на него молча добрых десять секунд, не отводя взгляда. Борька заерзал на стуле.

– Мы надеялись на вашу честь, – еле слышно проговорил я, когда достаточно долго поиспепелял его. – Если вам, конечно, ничего больше не свято, то давайте, милости прошу. Но не думайте, что тогда мы хоть еще раз сыграем с вами во что бы то ни было.

Это задело Борьку.

– Да ладно тебе, ладно, – начал он отмахиваться. – Шутки что ль не понимаешь? Сыграем мы с вами в вашу игру, хотя я совсем не уверен, что это будет хоть мало-мальски интересно.

В рядах какашников началось оживление. Из них вроде пока никто не сомневался, что игра будет интересной.

– Вопросы можно? – спросил Борька, хотя вежливость для него была совсем не характерна.

Я удивленно кивнул.

– Какие методы разрешаются при искании догадок?

Я удивился еще больше. Ведь мог же, если хотел.

– Разрешается все, кроме проникновения в квартиру Ляльки Кукаразовой, – придумал я на ходу. – Слежка за гостями, допросы... Сами думайте.

– Понятно, – сказал Борька и протянул ладонь в неопределенном направлении. – Ручку!

Василек рванул к нему с ручкой, но я успел заметить, как дрогнула рука Женьки в направлении ладони ее вожака, и расхохотался про себя. Женька покраснела и стала озираться по сторонам, не заметил ли кто ее промаха. Я быстро отвел взгляд. Прикусив язык, Борька тщательно вывел витиеватую загаголину из букв Б и З на своем экземпляре. Воробей, написал я, и мы обменялись листами.

– Можно теперь мне вопрос? – спросил я, протягивая правила с Борькиной подписью Васильку на хранение. Борька приподнял брови. – Что такое КК?

Я выговорил аббревиатуру по буквам, что вызвало веселье у меня за спиной.

– Красный квадрат, – невозмутимо пояснил Борька.

– Красный квадрат?

– Красный квадрат, – весело повторил он.

– Можно узнать почему?

– Почему-почему, по кочану, – блеснул Борька тонкостью чувства юмора. Вдруг он резко наклонился вперед и практически лег на стол. – Знаешь черный квадрат Малевича?

Я разинул рот. Я-то знал черный квадрат Малевича, но почему Борька его знал? Либо я его дико недооценивал, либо ему подсказали. Я решил, что второе более вероятно, немного расслабился и кивнул.

– Представил себе?

Я снова кивнул.

– Жутко? – прошипел Борька, как ящер.

Я почесал затылок.

– Ну... Как тебе сказать?

– А то! – торжествующе всплеснул руками Борька и откинулся назад.

– А почему красный?

– Что жутче, черный или красный?

Я решил не продолжать этого разговора. Борька принял мое молчание за почтительное согласие и остался доволен.

– Квадрат – это еще и два, понимаете? – не сдержался Ярик, и подозрение мое об авторстве укрепилось. – Квадрат, два К – второй подъезд.

– А, точно, – спохватился Борька. – Вот так вот. Так что прошу иначе нас более не называть. Мы – Красный Квадрат.

Я решил в тот же вечер придумать название и нам. С улицы пахло гречкой и жареной картошкой с мясом. Пора было закругляться. Ребята незаметно потянулись к выходу.

– Да победят лучшие, – с ухмылкой сказал Борька и поднялся.

– Да победит правда, – сказал я, вставая.

На секунду Борька задумался.

– Посмотрим.

На этом закончилось наше заседание, и началась борьба за непостижимое.

– Как прошел твой день, Воробышек? – устало спросила мама, накладывая мне пельмени из куриного мяса, так как поесть коров и свиней я отказывался.

Я слышал ее голос отдаленно, потому что в голове моей складывались и раскладывались, крутились и пульсировали мысли. Мне хотелось ответить маме, но я не мог вырваться из этого круговорота.

– Воробышек?

Я вынырнул из варева своей головы и глотнул свежего воздуха. Мама упорно смотрела на меня.

– Все отлично! – сказал я и потянулся за сметаной.

– А если поподробнее? – вздохнула мама и села напротив.

А если поподробнее, то я выяснил, что наша соседка бессмертная колдунья, писал письмо папе, собрал военное совещание и готовился к ответственной задаче выбора названия для своей стаи.

– Физику учил много, – сказал я, засовывая первую пельменину в рот, – дыхательную гимнастику делал, гулял, с ребятами встречался... Так...

Мама моргнула тяжелыми веками и выглянула в окно. Мне казалось, что ей хотелось спросить еще что-то, но к ужину язык у нее обычно отказывался шевелиться. «Наверное, она думает о папе», – вдруг решил я, и мне ужасно захотелось рассказать ей про то, что я сегодня писал ему письмо, наверное, уже сотое по счету. И тут она проговорила:

– Я думаю, может, стоит нам летом съездить на море, как ты думаешь?

Сердце мое заколотилось. Значит, я был прав! Она действительно думала о папе, и теперь предлагала мне ехать его искать. Я уже хотел броситься обнимать ее, как она добавила:

– В Турцию, может, или в Египет. Чтобы туда поехать, виза не нужна, да и дешево довольно. Будем лежать греться на пляже и ничего не делать. Как тебе идея?

На глаза мне навернулись слезы, и я быстро потупил взгляд, чтобы ничего не объяснять. Я пожал плечами, и пельмени застряли в горле. Потом я молча доел и пробубнил, что мне надо еще раз встретиться с ребятами. Мама отрешенно кивнула. Я хотел сделать что-нибудь, чтобы мы провели время вместе, но вместо этого просто убежал на чердак.

В углу под крышей сидел черный паук внушительных размеров и пялился на меня из своих десяти глаз. Звали его Фрэнком, и у Фрэнка был протез. Уж не знаю, как его угораздило лишиться одной из своих многочисленных конечностей, но выглядело это весьма плачевно. Потерял бы он две ноги с обеих сторон, это, наверное, смотрелось бы более гармонично благодаря равномерности. Но так это зрелище для замка ужасов. Поэтому я соорудил Фрэнку протез из черной трубочки и положил на перекладину рядом с его паутиной.

– Давай, друг, шевели мозгами, – напутствовал я его.

На следующий день протез красовался на месте потерянной ноги, от которой остался только коротенький торчок. За него и стоило зацепить протез, в чем Фрэнк преуспел.

– Как насчет «Отчаянных волков»? – кричал Василек на весь чердак, так чтобы все привидения точно расслышали.

Гаврюшка поморщилась.

– Почему тогда сразу не назваться «Отчаянными койотами»?

– Тоже ничего, – согласился Василек.

– Нет, – отрезала Гаврюшка. – Только если без меня.

– Пожалуйста, пусть будет без тебя, – согласился Макарон.

– Дамы и господа! – провозгласил я голосом истинного вожака. – Давайте обсудим это важное дело культурно и без перехода на личности!

– Без перехода на что? – не понял Василек.

– Ладно, – закатил я глаза. – Давайте по очереди. После каждого предложения будем голосовать.

– Можно я начну? – вскочил Василек.

– Ты уже внес свое предложение, – грозно напомнила ему сестра.

– Тогда давай ты, – подбодрил я Гаврюшку.

– Я? – сразу смутилась Гаврюшка. – Ну, хорошо, как вам... «Непобедимые»?

– Нет, – выпалил Василек.

Все остальные задумались.

– Как-то уж слишком однозначно и напористо, – прошептал по своему обычаю Тимофей.

– Прямо в лоб, в общем, – перевел Макарон.

– Ну да, – согласился я. – Ты не обижайся, название неплохое, но чуть-чуть заносчивое.

Гаврюшка дернула плечами и скрестила руки на груди, но я знал, что серьезно обижаться она не будет.

– Ты же сказал что-то про правду там, в подвале, – сказал Пантик, поправляя очки. На коленях у него лежал словарь. – Я тут посмотрел, по-латыни правда будет «веритас». Как вам?

– Веритас, веритас, – посмаковал я новое слово. – Неплохо, но куда тут ударение ставить? Веритас – таз какой-то получается. Вёритас – Вера. Вер у нас нет. Веритас – Рит у нас тоже нет.

– Но красиво, – оценил Тимофей.

– Да, ничего в принципе, – кивнула Гаврюшка.

Пантик остался доволен. Все перевели взгляд на Макарона. Тот пожал плечами. Предложений у него не было.

– Можно тогда я? – запрыгал снова Ваислек. – Он мой брат, так что все равно кто скажет.

Я благосклонно разрешил ему говорить.

– Наша коза! – радостно крикнул Василек.

– Что?!

– Коза наша, тоже можно!

– Сейчас не до шуток, Василий, – грозно сказала ему Гаврюшка. – Что ты чушь несешь?

– Какая чушь? – возмутился до глубины души Василек и даже с ногами запрыгнул на диван. – Есть такая мафия итальянская, так называется. Коза ностра. «Ностра» по-итальянски «наша», чтоб вы знали.

Тут было самое время всем рассмеяться, но нежная душа Василька не вынесла бы такого удара, поэтому мы только переглянулись с надутыми щеками и плотно сжатыми губами.

– Василек, дорогой, только «коза» по-итальянски означает не «коза», а «дело», – осторожно сказал Пантик.

– Откуда ты знаешь? – выпятил губы Василек.

Пантик протянул ему словарь.

– Ты сказал – это какая-то латунь, – заподозрил неладное Василек.

– Это очень похоже, – объяснил Пантик.

– Ладно, не хотите, не берите мое название, – отмахнулся Василек от словаря и уселся на диван. – Сами потом жалеть будете.

Я понял, что пора уже закругляться.

– Если кому интересны мои соображения, – повысил я голос, чтобы быть услышанным в бурном обсуждении нашей «козы», – то я думал, что было бы неплохо как-то обыграть птичью тему. Если уж ваш вожак Воробей. – Мне стало как-то неловко, но пути обратно не было. – Пантик, как, например, будет «свободные птицы» по-латыни?

Пантик быстро залистал словарь.

– Птица – это авис. А свободная... Свободная... Вот! Вагус, вакуус, либер... В общем, авис либер, например.

– Как-то не могу сказать, что прям сногшибательно, – расстроено признал я.

– Да уж, – согласились Гаврюшка и Макарон одновременно, что было крайне редко. Обычно они придерживались сугубо противоположных мнений.

– Классно! – сразу крикнул Василек.

– А зачем нам латынь? – заструился чистый и мирный голос Тимофея, звонкий и небесный, как какой-нибудь невиданный инструмент. – Можно просто сказать «вольные птицы», и будет красиво.

Понять, звучит ли это действительно невероятно красиво или просто все, что произносят уста Тимофея, кажется откровением, было невозможно. Но тогда его слова влились в наши уши, как теплое молоко с медом, и мы все как один блаженно заулыбались.

– Да-а, – протянул я. – Вольные птицы, мы вольные птицы...

Фрэнк отвернулся и пошел по своим делам, ковыляя. Привидения то ли сопели под крышей, то ли улетели пугать шляющихся в столь поздний час по улицам людей. Двенадцать свечей ярко освещали наш чердак и наше единство, у которого только что появилось самое настоящее название.

Тетя Света (мама Макарона, Гаврюшки и Василька)

Полная, очень ухоженная женщина сидит в гостиной на диване в узкой сиреневой юбке, розовой кофточке с глубоким декольте и в серебряных туфлях на шпильках. На губах малиновый блеск, а волосы уложены идеальными, неподвижными волнами. Широко распахнув глаза, улыбается.

Муж мой? Ну, он у меня... А разве мы собирались о муже говорить? Работает он. Много работает. Как и полагается мужчине. Все-таки троих детей прокормить надо... Вернее, это я так говорю просто – прокормить, вы не подумайте. Конечно, мы не к тому слою относимся, чтоб о еде беспокоиться. Но современному ребенку, да и самим себе надо же достойную жизнь обеспечить.

Достойная жизнь? Ну, как... Чтоб не хуже, чем у людей, понимаете? В отпуск за границу хотя бы раз в год – это само собой разумеется. Об этом даже говорить нечего. Машину вон в прошлом году купили новую. Цветочками, украшениями муж меня балует. (*Довольно смотрит на свою приподнятую ручку.*) Понимает, что женщинам это надо.

Женщина... Женщина – это в первую очередь нимфа. Она должна хорошо готовить, соблазнительно одеваться, двигаться... (*Демонстрирует.*) Она муза, понимаете? Женщина работяга – это женщина-мужик. Я просто счастлива, что я избежала этой участи. (*Шепчет.*) Вы вон на Тоньку с четвертого этажа посмотрите. Муж удрал, с сыном больным бросил. А задайтесь-ка вопросом – почему! Я ей тысячу раз твердила: Тонечка, сделай причесочку, Тонечка, сходи к косметологу, сделай масочку... А ей даже ресницы лишней раз лень накрасить было, на ногти лачку нанести. Ну что тут удивляться-то? Мужчинам и поговорить с женой хочется, отвечала она. (*Широко раскрывает глаза и смотрит исподлобья.*) Угу! Меньше сказок читать надо было. Теперь не мучилась бы со своим инвалидом. Слава богу, у моих детей все чистенько да гладенько, тьфу-тьфу-тьфу!

(*В комнату заглядывает мальчик в дуриллаге.*)

Т. С.: Вот и сын! Василечек, миленький, подойди сюда!

(*Мальчик входит, недоверчиво на нас поглядывая. Мама притягивает его к себе и снимает дуриллаг с головы.*)

В.: Мааааам! (*Отбирает дуриллаг.*)

Т. С.: Зачем тебе это? Хватит дурачиться, у нас гости. (*Выхватывает дуриллаг обратно. Мальчик начинает хныкать и тянуть руки к дуриллагу.*)

В.: Мааам, ну дааай!

(*Мама делает страшные глаза.*)

Т. С.: Все, я сказала, иди отсюда!

В.: Ну даааай!

(*Начинает плакать. Мама, стиснув зубы, отстраняет его.*)

Т. С.: Что ты не понял? Иди отсюда!

(*Мальчик плачет и рвется к дуриллагу.*)

Т. С.: (*Еле слышно.*) Я тебе – бл... – сказала, чтоб ты вон отсюда шел! Хватит меня позорить!

(*Мальчик, ревя, убегает.*)

Т. С.: (*Глубоко вздыхает и качает головой.*) Избалованный, ужас. Вы уж простите... (*Откладывает в сторону дуриллаг, собирается и снова улыбается.*) В общем, что я говорила? Ах да, женщина должна в первую очередь быть нимфой и музой...

Глава 3

Грани и границы

Ночью я плохо спал от предвкушения грандиозности предстоящего. Через открытую форточку была слышна ночная жизнь города, которая оказалась намного более насыщенной, чем мне представлялось. Непрерывно ездил машины, скрипя колесами на поворотах и громко газуя, звезды звенели, а ветер доносил гул голосов, хохот и музыку из чужих окон. Я то и дело вставал, включал глобус и настольную лампу и садился писать начатое письмо, но слова не складывались, как обычно, словно пазл, а предложения рассыпались незавершенными. Мысли мои кружили слишком быстро. Долгожданный сон соизволил явиться только к середине ночи, но и за это я был ему благодарен.

Тем не менее проснулся я рано, еще до того как мама пришла будить меня, и принялся рыться в ненужных вещах, сложенных в моей комнате. Когда мама вошла и сказала, что она сейчас сделает мне завтрак и проводит в школу, я соорудил такое страдальческое лицо, что надо мной, несомненно, сжалилась бы даже Снежная королева. К тому же я знал, что мама все равно не стала бы меня провожать, так как спешила на работу. Я похныкал, что ночью совсем не спал, что эта пыль на дорогах меня замучила и я знаю, что мне сразу станет плохо, как только я покину двор, тем более я и так целыми днями занимаюсь дома и прочее-прочее. Мама обреченно вздохнула и закрыла дверь, а я вновь принялся за свое дело.

Вскоре почти под самым потолком, на верхней полке шкафа, среди коллекции кнопок, плюшевого дракона и небольшого абажура я нашел сверхпригодную для моих целей вещицу – деревянную шкатулку с вырезанными узорами. Довольный, я спустился вниз по узкой длинной лестнице, такой, какие обычно бывают в библиотеках, и, насвистывая, приклеил к шкатулке замочек. Такого мелкого, очень нужного в хозяйстве добра у меня в ящиках хранилась целая куча. Это было весьма удобно, и ценила это даже мама, обычно называющая все бардаком.

Заглянула мама.

– Что это тут так клеим пахнет? – спросила она, хотя уже увидела шкатулку у меня в руках. – Я думала, тебе плохо.

– Плохо, – скорбно подтвердил я.

Мама горько вздохнула и посмотрела на часы.

– Ладно, мне надо бежать. Смотри тут не балуйся. Вечером проверю, какие уроки ты за день сделал, а какие нет.

Я бодро закивал. Ничего такого она делать бы не стала. Мама даже не знала, когда у меня были экзамены, не то что, какие уроки нам задавали. Цена моего бесшколия состояла в моей личной ответственности, и я это прекрасно понимал. И мама понимала, что я это понимаю. Она подошла, уже одетая, готовая к очередному боевому дню, поцеловала меня в лоб и погладила по голове – неспешно, задумчиво. Я прикрыл глаза. Потом ее прикосновение улетучилось, и я услышал, как захлопнулась входная дверь.

Пора было и мне начинать первый день войны за бесценное сокровище Ляльки Кукаразовой. Я нагнулся через стол и выглянул во двор. По нему уже спешила мама. Вдруг она остановилась, посмотрела вверх, прямо на меня, и помахала. Я быстро бросился к окну, открыл его, высунулся по пояс и крикнул ей что-то на прощание. Она замахала уже по-другому. «Аккуратнее, не выпади», – донеслось до меня. Я слез на пол, и шаги ее пропали в арке. Почему-то мне стало ее вдруг ужасно жалко, и я поднял грозный взгляд к небу. Когда мне хотелось прямо обратиться к папе, а не писать письма, я обычно обращался к небу, полагая, что облака впитают мои слова, обволокут их дождевыми каплями и обрушат их в правильном месте прямо на дно того моря, в котором находился мой пропавший отец.

– Ну, посмотри, какая она грустная и одинокая! – сказал я ясно, но тихо, чтобы соседи не заподозрили неладного. – Неужели спасение всего мира важнее спасения нас с мамой? Я-то ладно, хоть у меня и астма, помнишь? А вот маме плохо. Ты уж подумай, пожалуйста, об этом!

Я решил, что больше облака не могли донести за раз в неиспорченном виде, и, повывсматривав недолго Джека, как всегда тщетно, отправился завтракать.

На моем месте стояла чашечка какао и миска с овсянкой. Мама знала, что у меня еще с детсадовских времен была травма, связанная с овсяной кашей в общем и с пенкой на ней в частности, но настаивала на том, что эта размазня полезна. На маминой каше, правда, никогда не было пенки, поэтому я, скрипя зубами, ел эту густую, неприглядную массу, чтобы сделать ей приятно, даже если мамы не было дома, хотя мне ничто не мешало спустить это дело в туалет, крокодилам в канализации на завтрак. А вот из-за горячего шоколада мне завидовала вся ребятня во дворе, так как всем остальным доставалась просто какая-то крашеная вода под названием чай.

На холодильнике сидела Клеопатра и наблюдала за мной взглядом эсэсовского надзирателя, пока я ел. Я высунул ей язык, и она брезгливо отвела свои зеленые глаза. Где-то я даже был уверен в том, что Джек все никак не возвращался именно из-за этой нахалки с королевскими замашками. Хотя я вообще-то старался не искать вину происходящего в других. Клеопатра одним длинным рыжим движением спрыгнула с холодильника и отправилась искать солнечное местечко с вызывающе задранной хвостом.

А я помыл посуду, наспех оделся в первую попавшуюся одежду, прихватил шкатулку и отправился в киоск господина Дидэлиуса.

Колокольчик звякнул удивительно прозрачным звуком, и тяжелая деревянная дверь со скрипом захлопнулась за мной, подняв облако искрящейся пыли. Маленькое темное помещение скудно освещалось лампой с вязанным абажуром, место которому было скорее на потолке какой-нибудь бабульки в кресле-качалке. Но с другой стороны, киоск господина Дидэлиуса мало чем походил на остальные магазинчики подобного типа. Прямолинейные и холодные, исключительно практичные. Господин Дидэлиус, которому, судя по его рассказам, было как минимум сто пятьдесят лет, провел в этом подвале половину своей жизни, с тех пор как вернулся из своих бесконечных путешествий, и обустроил он его себе на славу.

На полу лежал ярко-синий персидский ковер, а на полках среди журналов и книжек красовались деревянные животные из Африки, гордые и пахнущие жарой и корицей. Зацепленные за обложки, висели венецианские маски, лежали трубы, в которые дули пастухи альпак в Латинской Америке, а ловители снов, сотканные индейцами в заповедниках специально для господина Дидэлиуса, позвякивали на стенах бубенчиками при дуновении ветра. Помимо полок, в киоске стояли громоздкие темно-коричневые шкафы со множеством ящичков.

Секретерами называл их господин Дидэлиус, и в них правда хранилось много секретов. Стоило открыть один из таких ящичков и запустить в него пальцы, подрагивающие от приятного страха перед неведанным, как они извлекали диковинку с какого-нибудь далекого конца света, и тогда можно было часами сидеть в мягком кресле из бордового бархата перед прилавком и с замирающим дыханием слушать истории хозяина. Прилавку было с виду лет триста, и каждый желающий мог выцарапать на нем свое имя. Для этого посетителям специально выдавался гвоздик. Я любил отыскивать свое имя, которое старательно выводил чуть ли не два дня, и представлять себе, что кто-нибудь придет сюда лет так через двести, увидит, что тут был мальчик по имени Воробей, и задумается о том, какой я был, любил ли я шоколад или леденцы, прятки или шашки.

На прилавке стояли большой серебряный поднос с бутербродами, пирожками и печеньем, кофейная машина и множество различных чашек. Еще там были доисторическая касса, весело и деловито звенящая, когда ее открывали и закрывали, банки с конфетами в цветных

фантиках, печатная машинка, лампа и набор жестяных баночек с воздухом из разных мест мира.

Эти баночки были уникальным изобретением самого господина Дидэлиуса, и воздух в каждой из них он лично ловил в своих странствиях по белому свету. «Париж», «Рим», «Гавана» написано было на белых баночках. И «пустыня Гоби», «дождевой лес», «индийский рынок», «тирольские Альпы» и так далее до сладостной нескончаемости. Стоило одним банкам пропасть с прилавка, как их место сразу же занимали другие, уже из других прекрасных мест. Иногда мне казалось, что мне хватало одного названия и теоретической возможности понюхать воздух этого места, чтобы, как наяву, оказаться посреди очередного приключения. Но когда я клал на прилавок бережно накопленные монеты и купюры, выбирал по полчаса баночку, садился поудобнее в кресло, снимал с нее крышку и глубоко вдыхал сказочные ароматы, я понимал, что только при осязании соприкосновении вихрь, охватывающий и уносящий меня в дальние дали, мог достигнуть такой затягивающей мощи. Я закрывал глаза и летал в пространстве и времени свободнее самого Джека.

Как ни странно, довольно мало кто ценил волшебные баночки господина Дидэлиуса, который предлагал еще и подходящую к выбранному воздуху книгу, чтобы можно было продлить удовольствие и повторять его сколько угодно. Почему-то взрослые предпочитали тратить несколько месячных зарплат (это мне мама поведала жалостным голосом) на туристические поездки в какую-нибудь Турцию.

– Кто это залетел в мои дальние пещеры? – послышался мягкий и сапфировый, как июньская ночь, голос владельца киоска, и господин Дидэлиус вышел из задней комнаты, поглаживая свои длинные белые усы. Волосы, падающие на воротник его зеленого жакета, были густыми, но также идеально белыми, а светлые глаза смотрели ясно и открыто. Мне казалось, что господин Дидэлиус всегда пытался понять даже самого отпетого подлеца и найти в нем что-нибудь, чем можно было восхититься.

Он медленно добрал до стула за прилавком и уселся перед печатной машинкой.

– Неужто мой Воробышек снова запорхнул за очередной порцией путешествий?

Мне не хотелось признаваться в том, что с прошлого раза я еще не успел накопить достаточно денег, так как знал, что тогда мне бы баночку подарили. И отпирайся как хочешь. Но мне не нужны были такие подарки, я хотел, чтобы киоск господина Дидэлиуса процветал и чтобы баночки на этом прилавке никогда не кончались.

– В этот раз нет, – покачал я головой и поставил шкатулку рядом с печатной машинкой. – Я принес вам кое-что на хранение.

И я поведал господину Дидэлиусу все бурные события вчерашнего дня. Он слушал очень внимательно и с неподдельным интересом.

– Наши догадки мы принесем вам, – закончил я. – Их надо будет положить в эту шкатулку, ключи от которой будут только у вас.

Я протянул ему серебряный ключик на цепочке.

– И я не пророню никому ни слова и открою шкатулку только в присутствии тебя и Бори, когда настанет день правды, – торжественно сказал господин Дидэлиус.

Я знал, что он все поймет. Так как я просто не мог уйти из киоска с пустыми руками, я купил два печенья с шоколадом и черникой и отправился домой продумывать план действий.

Двор пустовал, и из окон доносились возгласы пухлогубых героинь мыльных опер. Несколько воробьев вилось над самой землей, и я подкрался к ним как можно ближе, чтобы лучше их рассмотреть. Джека среди них не было...

Только когда я зашел в прихожую и снял ветровку, заметил, что один карман был выпуклым и отвисал несколько больше другого. «Да ладно», – подумал я и еще до того как достал из него свалившийся с неба подарок, понял, что сегодня у меня все-таки будет маленькое при-

ключение. «Кадакес» было написано на баночке. Я в первый раз слышал это название и сразу полез за энциклопедией на третьей полке сверху в моей комнате. Усевшись поудобнее на кровати, я несколько тревожно залистал тонкие страницы, но с облегчением нашел искомое.

– Кадакес, – начал читать я вслух, чтобы лучше запомнить, – бывший рыбацкий поселок на побережье Коста-Брава в Каталонии (Испания). Находится на полуострове Мыс Криус, в живописной бухте. Белый город известен прежде всего тем, что в нем часто бывали выдающиеся деятели художественного авангарда XX века: Сальвадор Дали, Марсель Дюшан и другие.

Это было все. Я прочитал отрывок снова и снова, пока не выучил его практически наизусть.

– Да, не густо, – сказал я немного обиженно энциклопедии.

Мне хотелось иметь конкретные картинки и представления в голове, перед тем как вскрыть драгоценную баночку. Я боялся, что иначе я мог бы что-то не понять, упустить важнейшие отголоски запаха Кадакеса.

В гостиной я порылся в маминых проспектах, но там все кишело Турцией и Таити. Несколько брезгливо я посмотрел на телевизор, мирно покоящийся в своей черной важности напротив дивана. Неумелыми пальцами я коснулся пульта и наугад нажал на самую большую кнопку. Телевизор зашипел и деловито, без подготовки ожил.

Белозубые тети беззаботно бегали по лужайкам и хвалили порошок, светловолосые дети пили сок из пакетов со смешными названиями, мускулистые мужчины жаловались на перхоть. Я переключил программу. Еще один мускулистый мужчина, правда, без перхоти, прижал слабенько вырывающуюся дамочку к стене и начал внушать ей что-то несвязное. Внезапно дамочка перестала сопротивляться и впилась в него своими блестящими губами, обхватив его шею длинными ногтями. Меня передернуло, но переключить я смог не сразу, осознав, что тут творится нечто запретное. Потом она закинула на него свои ножки, и он ее поволок куда-то, а я испуганно нажал на кнопку. Под бешеный ритм несколько пышных, почти что голых тетя трясло всем, чем не жалко, а очень важный дядя в солнечных очках наговаривал что-то быстро на нерусском языке. Все мелькало с безумной скоростью, и я вспомнил, что такое мелькание может вызвать эпилептический приступ, и поскорее переключил программу. Эпилепсии у меня пока не обнаружили, но кто его знает.

«Еще одно зрелище такого рода, и я завязываю с тобой навеки, друг», – мысленно предупредил я телевизор. Либо он услышал мое послание, либо мне просто повезло, но передо мной вдруг появился неземной красоты пейзаж, сопровождаемый умиротворяющей музыкой. Спокойные волны синевой закатывали на белый песок, а под пальмами лениво валялись кокосы. Убаюкивающим голосом диктор рассказывал что-то про сказочные уголки Океании. Но Океания мне была не нужна.

Я разочарованно вздохнул, ничего особого не ища, отвел взгляд на книжный шкаф рядом с телевизором и не поверил своим глазам. «Испания» – гласило жирными буквами на корешке одной из книг. Я поспешно отправил телевизор в сон и вцепился в путеводитель, пока он не испарился куда-нибудь, как фата-моргана¹.

Вместе с потрепанным путеводителем и баночкой я устроился на своей кровати и начал листать страницы. Кадакес там был. И хотя информации о нем содержалось не больше, чем в энциклопедии, рядом с текстом имелась одна-единственная фотография. На ней белый узорчатый город спускался по скупой, местами выжженной горе прямо к морю такого синего цвета, что казалось, бери наливай его в прозрачный кулончик и носи вместо драгоценного камня на шее. Странные, почти марсианские деревья с пышными кронами на длинных, голых стволах росли на скалах, торчащих из воды, и разноцветные лодочки мирно покачивались в бухте.

¹ Оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей. (Прим. ред.)

Этого мне было достаточно. Я отложил путеводитель и бережно взялся за банку. Я глубоко вдохнул и выдохнул, снял крышку, закрыл глаза и поднес воздух Кадакеса к носу. Моментально голова моя закружилась, и перед глазами начали вспыхивать краски. Я чувствовал влажную соль, тонкий запах рыбы и насыщенный аромат апельсинов, орегано мешалось с лавандой и гвоздикой, раскаленные камни перекликались с прохладным морем.

Совершенно ясно я видел перед собой крутые каменные ступеньки, по которым я поднимался вверх, и седого гитариста, сидящего у церкви высоко над морем и играющего меланхоличные мелодии. Белые стены плотно построенных домов отражали цветное обилие магазинчиков, а маленькие кофейни чередовались с такими же маленькими картинными галереями. Тяжелый и бархатный запах кофе со свежей кислотой красок. И я решил, что если когда-нибудь решу стать художником, то обязательно поеду пожить в это место хотя бы на одно лето. Рисовал я, правда, в высшей мере сносно, так что покидать свой двор мне пришлось бы еще не скоро.

Воздух Кадакеса неумолимо улетучивался, сливаясь с запахом старых книг, шоколада и клея, царившим в моей комнате. Мне хотелось ухватить его и затолкать обратно в баночку, но я знал, что, открывая это прозрачное сокровище, надо было быть готовым к его мимолетности. С некоторой грустью я поставил кадакесовскую баночку в ряд к другим отслужившим ее собратям на одну из полок.

Пора было приниматься за дело. Вдруг я отчетливо понял, что мне нужно устройство для незаметного подсматривания за тем, что творится в гостиной у Ляльки Кукаразовой. Я также отчетливо понял, что это должна быть довольно длинная труба с замысловатой зеркальной системой. Так как Мадам Кукаразова жила прямо под нами, я мог легко спустить такой прибор через окно вниз к ее окну, дабы подсматривать себе до умопомрачения. Конечно, только в благих целях.

Я отыскал веревку, высунулся в окно и бросил ее вниз, держа за один конец. Подгадав нужную длину, я завязал на уровне моего подоконника узелок и затянул веревку обратно.

– Добрых два с половиной метра, – пробубнил я себе под нос, разложив веревку в коридоре и отмерив ее шагами.

Сначала я собирался смастерить трубу из картонных валиков, на которые накручивается туалетная бумага, но тут их понадобилась бы целая куча, а времени ждать накопления валиков у меня не было. Впрочем, отыскать достаточно картонок на незаменимом чердаке не составило никакой проблемы. Довольный и запыленный я уже спускался со своей находкой вниз, как где-то снизу открылась дверь и послышался взволнованный голос мамы Пантика.

– Я мигом, миленький, – говорила она спеша, но подчеркнуто спокойно.

Эхо разносилось по всей лестничной площадке. Слова ее цеплялись за лифт в чугунной клетке, скользили по перилам и доползали до меня странным, отдаленным звуком.

– Ты поспи еще! Я быстро! – повторила она, торопясь сбежала по лестнице, и тяжелая входная дверь захлопнулась за ней с грохотом.

Я сразу отправился вниз. Не так уж часто случалось, когда кто-то заболел достаточно сильно, чтобы ему разрешили остаться дома, и для меня такие дни были настоящим праздником. Я с размаху постучал кулаком в дверь Пантика.

– Открывай, старина! – закричал я весело. – Не воры и не кашаники, не бойся!

По другую сторону двери ничего не произошло. Словно там никого и не было. Ни ответа, ни шуршания, ни скрипа колес по паркету. Конечно, Пантик не мог оказаться у двери в два счета, но обычно он хотя бы кричал что-то в ответ. Я подождал и постучал еще раз. Ничего. Я снова позвонил и постучал, крикнул, что это я, хотя это и так было понятно. В квартире было пусто и беззвучно. Я уже подумал, что мне послышалось что-то не то и мама Пантика вовсе не обращалась к сыну, как вдруг колеса все-таки медленно подъехали к двери, и она приоткрылась.

Улыбка застыла у меня на лице. Пантик выглядел ужасающе. Белый, как смерть, и с синяками под глазами в пол-лица он, ссутулившись, сидел в коляске и держался худой рукой за дверную ручку.

– Ты что так смотришь? Привидение увидел? – сопя и еле улыбаясь, сказал Пантик.

Я заставил себя встрепенуться. Если он еще шутил, значит, все было не так страшно. Он шире открыл дверь, и я зашел. Квартира Пантика была похожа на нашу квартиру, но атмосфера тут была совершенно иная. Спокойнее, что ли. Может, потому что здесь не обитало вредных кошек.

– Что это с тобой? – робко спросил я, следуя за ним в детскую.

– Поможешь? – вместо ответа сказал Пантик и взглядом указал на кровать. – Что-то у меня совсем сил нет.

Я закинул его руку за плечо и перетащил из коляски в кровать, что оказалось совсем нелегко. С облегченным вздохом он опустил на подушку. Я огляделся. Его комната была не больше моей, но казалась куда просторнее, так как ее не загромождали шкафы и полки. В углу и на тумбочке висели и стояли многочисленные иконы. Меня это не удивляло, я знал, что семья Пантика ходит в церковь. Каждое воскресенье они вставали ни свет ни заря и направлялись на звон колоколов, наполняющий сонный городской воздух.

Я знал это, потому что сам любил вставать рано по воскресеньям, чтобы залезть на крышу и насладиться особенностью этого короткого, заколдованного времени, когда улицы тихи, а раскатистый звон сотни колоколов разливается волнами по розовеющему небу, как по морю. Мне всегда казалось, что только я слышу эту пронзительную симфонию, хотя это, конечно, было не так.

Внизу на звон стекались бесчисленные незаметные шаги, которые, в отличие от меня, лениво валяющегося на прохладной крыше, следовали призыву звона. Я знал, что когда-нибудь крикну вышедшей во двор семье Пантика, чтобы они подождали меня, но пока я просто предпочитал грызть яблоки под этот концерт и разглядывать меняющиеся краски неба.

– Родили инвалида себе на голову, – возмущалась тетя Юля в рамках посиделок бабинца, – вот теперь пускай и мучаются. Мы что, в Средневековье живем, что ли? УЗИ нельзя было сделать во время беременности?

– Ну а, может, там не было ничего видно, – пожалала покатыстыми плечами тетя Света. Она любила противоречить тете Юле, даже если и придерживалась ее мнения.

– Это у тебя через всю сладкую начинку, наверное, ничего толком не увидишь, – помахала тетя Юля в районе живота не на шутку насупившейся тети Светы. – А у Любки-то все как по телевизору видно должно быть.

Я помешивал свой мирно булькающий на плите рис и вынужденно слушал речи бабинца.

– Вообще-то, Пантик на одни пятерки учится, – не выдержал я.

– Угу, – протянула тетя Юля, стуча вилочкой по тарелке с пирогом. – Только когда он выучится, он на фиг никому не нужен будет. Родители помрут, а несчастный инвалид прямиком в интернат или дом для престарелых отправится. Там и будет гнить до конца своих дней. Кому это надо, скажите мне, пожалуйста?

Тут во мне что-то лопнуло, и я резко повернулся к скучающе-покуривающему бабинцу.

– Да с чего вы это взяли-то? – слегка прикрикнул я, и на меня взглянул десяток подведенных глаз на выкате. – Пантик уже знает, в какой он хочет поступить университет и на что. В отличие, кстати, от всех нас, остальных ребят. Почему у него все должно быть так плохо-то?

– Воробышек, успокойся, – устало шикнула на меня мама.

– Ну, допустим, поступит он, допустим даже, окончит он свой долбаный университет, – слегка, но с готовностью разозлилась тетя Юля. – Дальше что с ним будет? Какой работодатель его на работу-то возьмет? Я понимаю, ты еще маленький и ничего не соображаешь, что

с тебя взять. Но я могу объяснить! – Я не хотел, чтобы она мне что-либо объясняла, но это, видимо, не было предложением. – У моего мужа свой бизнес. Ну, приходит к нему выпускник с пятерками, но в коляске. Ты представляешь, сколько денег моему мужу надо вложить во всякие пандусы, лифты, специальные туалеты и прочую хрень? Думаешь, он на это пойдет? Нет, конечно! Он же не благотворительная, бляха муха, организация! – На последних словах тетя Юля прямо развеселилась. – Нет уж, он возьмет любого другого, пусть с четверками, но нормального человека. Понял почему?

Меня начало тошнить. Борька Захаркин все-таки сильно удался в свою маму, но чтобы ее переплюнуть, ему понадобилось бы еще много времени. Мне хотелось демонстративно выйти, но я не мог оставить рис на сгорание. Я резко к нему отвернулся, схватился за ложку и стал яростно намешивать его, словно варево.

– Эх, – с наигранным сочувствием вздохнула рыжая и изнеженная тетя Женя, мама спортсмена и красавца Давида, который, несомненно, представлялся всем идеалом генофонда страны. – Надо было бы им ребеночка-то на причащения поводить. Водички святой ему попить дать. Свечи намоленные по уголочкам расставить. Ну и по бабочкам... по бабкам то есть, повозить. Как-то они слишком материал... мате... материалистично настроены. Вот. Все доктора да уколы. Надо же и о высшем подумать. Все ведь знают, что такие дети-кресты за страшные грехи даются.

Это, судя по обильному поддакиванию, знали все. Чего не знал никто, так это то, что семья Пантика каждую неделю неизменно ходила в церковь, так как в столь раннее время бабинец по воскресеньям коллективно дрых. Далее последовали бурные предположения о возможных смертных грехах родителей Пантика, но рис, к счастью, успел довариться, и я трясущейся рукой наложил себе горочку на тарелку и быстро покинул кухню.

– А они от Морры помогают? – задумавшись, спросил я, глядя на золотые оправы.

– От кого? – удивленно переспросил Пантик.

– От Морры, – повторил я. – Она же приходит ночью и сидит под кроватью. От нее надо так прятаться под одеялом, чтобы ничто ни в коем случае не выглядывало. А то...

Еще пока говорил, я понял, что совершенно не уверен в том, что Морра, подстерегающая торчащие из-под одеял конечности, общественно признанная страшилка, а не плод моей фантазии.

– А то? – поинтересовался Пантик.

Я пожал плечами. Я и сам толком не знал, чего такого ужасного Морра делала с плохо спрятавшимся ребенком.

– Я Морру из Муми Троллей знаю, но там она не сидит под кроватями, – сказал Пантик.

Я всерьез задумался.

– Но если тебе будет спокойнее, можешь взять с собой икону, – великодушно добавил Пантик.

– Правда? – обрадовался я.

Он кивнул, и я стал рассматривать все, пытаясь сделать выбор. В глаза мне сразу бросился один небородатый молодой мужчина, тем самым выделявшийся среди остальных.

– Пан-те-ле-и-мон, – медленно прочитал я надпись рядом с ним и озадаченно взглянул на Пантика. – Это ты, что ль? Пантик?

– Ну, как сказать, это мое полное имя, да, если ты это имеешь в виду.

Вот и открытие дня. Раньше я почему-то ни разу не задумывался о том, что Пантик могло быть неполным именем. Я выбрал маленькую иконку, чтобы не нагнать, и сунул ее в карман.

– Так что с тобой? – повторил я.

Пантик слабенюко отмахнулся.

– Просто не очень хорошо себя чувствую, вот и все, – нехотя сказал он. – Какие планы по поводу нашей бессмертной соседки?

Я оживился и начал охотно рассказывать о подсматривательной трубе, как что-то меня ослепило. Я слегка оторопел. Пантик лежал на кровати практически неподвижно, так что виновником быть не мог. Я выглянул в окно и сразу разглядел источник зла.

– Вот гады! – крикнул я, стукнув кулаком по подоконнику.

– Кто? – испугался Пантик.

– Братя Тесла! Так я и знал, что они зря время терять не будут...

– А что они делают? – Пантик даже слегка приподнялся на локтях.

– Высматривают что-то в громадный бинокль на нашей стороне. Нетрудно догадаться, что именно.

Мне хотелось ругаться, но я взял себя в руки. Пантик этого не любил. Об этом преимуществе противоборствующей стороны я заранее не подумал.

– У тебя есть маленькое зеркало? – пришла мне вдруг в голову идея.

Зеркальце было в ванной, и я метнулся туда за ним, не успев почувствовать угрызений совести от того, что копаюсь в чужих вещах. В детской я высунул руку с зеркалом в окно, поймал солнечный луч и направил его прямо во вражеский бинокль. Эффект не заставил себя ждать. Ярик или Славик, точно с такого расстояния сказать было невозможно, отпрянул как ошпаренный. Я издал торжествующий крик и ударил свободным кулаком в воздух.

– Есть!

– И теперь ты так и будешь там сидеть с вытянутой рукой? – отрезвил меня Пантик.

– Нет, ты, – шально улыбнулся я, но тут же осекся. Над больными шутить было нельзя. – Прости...

– Да нет, я могу посматривать за ними, – самоотверженно предложил Пантик. – Время от времени... Если смогу подняться...

Тем временем бинокль в окне близнецов пропал.

– Ладно, думаю, они там все равно много не увидят, – сказал я и закрыл окно. – Мне надо, чтоб ты подумал, как лучше сделать зеркальную конструкцию в моей трубе.

Пантик задумчиво кивнул.

– А кроме трубы?

– Кроме трубы... Кроме трубы надо заняться самым настоящим шпионством, – признался я. – Следить за гостями Ляльки Кукаразовой и попытаться понять, что их связывает.

– Да, хорошая идея, – улыбнулся Пантик. – Наверное, это будет ух как интересно! Кто первый?

Я потупил взгляд. Пантик попал прямо в мою больную точку. Разумеется, первопроходцем должен быть вожак, то есть я. Но Вольным птицам попался вожак с большой помехой. Страхом перед наружным миром, находящимся за аркой. «Ради такой цели, – уговаривал я себя беспрестанно с тех пор, как понял, что выхода в свет не избежать, – ради такой цели надо себя пересилить, Воробей. Будь же ты достойным своего имени!»

– Я, – заставил я произнести себя. – Я пойду первым.

Тетя Женя (мама Давида)

Стоит в зеленом платье и с роскошно рассыпающимися по спине рыжими волосами у плиты и варит борщ. На фартуке нарисована большая белка с ягодами рябины. Беспре­станно улыбается. Тетя Женя, не белка.

Ой, знаете, как это тяжело быть мамочкой такого таланта. (Шепчет.) Чтобы не сказать гения, но в спорте это слово почему-то считается неуместным. Где тут справедливость, скажите мне, пожалуйста. (Встряхивает свое гривой и снова обнажает безупречные зубы). Не считите

меня гордой, но все-таки я считаю, что мамочки спортсменов – это настоящие матери-героини. Это же сколько поддержки надо, сколько переживаний, сколько сил моральных и физических...

Физических? Ну, потому что с ним же на сборчики... на сборы надо ездить, еду полезную готовить... Все это не так-то просто. Зато стóбит того! Стóбит! Вот увидите, будет мой Давидик еще настоящей звездочкой отечественного горнолыжного спорта! Это детишек еще обделяют, а взрослых чемпиончиков-то как балуют квартирами, машинами! Не зря же я все-таки сына родила. Хотя, когда узнала, так плакала, так плакала... Уже жалела даже, что на таком позднем сроке узнала, прости господи... (*Осняет себя крестным знаменем.*)

Как это почему? Ну, все же девочку хотят! Нет, ну вы сравните, ангелочек такой розовенький миленький и дикий грязный сорванец. Ласковая, спокойная птичка или орущий гадемыш с поломанными костями. Что тут сказать... Единственное утешение, так это то, что среди мальчиков все-таки больше будущих успешных богатых людей (*смеется*). Должны же все мучения когда-то воздаться?

Муж-то, конечно, гордится! Еще бы. Мы же изначально решили, что у нас будет только один ребеночек, в которого мы вложим по максимуму. И сил, и денег. Должно было окупиться. (*Машет капающим половником в воздухе.*) А то какой смысл рожать да рожать детенышей бесцельно? Мы же не свиньи, правда? Дал же нам боженька мозги, пользоваться надо. Ой, кстати! Вода у меня святая кончилась, надо бы, чтобы кто-нибудь набрал в церкви...

(*Изумление.*) Да вы что, разве не знаете, как этим пользоваться? Уголочки покрапить надо в квартире, цветочки тоже, чтобы лучше росли, лыжи я Давидочке натираю перед соревнованиями... А вот в последнее время знаете, что тут у нас творится? (*Шепчет со страшными глазами.*) Бес канализационный у нас завелся! Вот так вот! Стоит, извиняюсь, удалиться в одно место, как такие думы нехорошие сразу обуревают... Голова даже кружиться начинает! И у всех так! У всего подъезда! У всех уже, еще раз извиняюсь, проблемы с кишечной деятельностью в связи с этой пакостью... Вот надо полы святой водичкой помыть... Я уже подумывала спустить ее и в ту самую канализацию, но, наверное, это как-то так не делается... Спросить бы у батюшки... Так они ж по вызову не приходят! Только если там освящать что-нибудь. Деньги им нужны, все деньги да деньги! Бога бы побоялись! Где еще найти настоящих священников, скажите, пожалуйста! Эх, куда этот мир катится?

Глава 4

О потерянных машинах и о потерянных мамах

Возможность доказать свой решительный настрой представилась уже на следующий день. За беспокойную ночь северный ветер принес в город иней и сырой запах опавших листьев, и когда первые окна открылись, люди поняли, что лето распрощалось стремительно и необратимо. Но солнце еще всю сияло, хотя яркий свет последних дней сменился на теплую и ненавязчивую подсветку облегченно вздохнувших домов и улиц, еле выдержавших долгий накал затянувшегося зноя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.